

Полифункциональные подчинительные конструкции в бартангском языке: к единому анализу

© 2025

Олег Игоревич Беляев

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; belyaev@ossetic-studies.org

Аннотация: В статье рассматривается система подчинения в бартангском — одном из памирских языков Горного Бадахшана (иранская группа индоевропейской семьи). Описываются стратегии маркирования основных типов сложного предложения. Показано, что ядром системы являются всего три союза — предглагольный *sa*, внутриклаузный *di* (di_{IN}) и интерклаузный *di* (di_{EX}) — каждый из которых имеет чрезвычайно широкую сферу употребления. Высказывается предположение, что для каждого из этих союзов его функции могут быть выведены из единого семантического или синтаксического «инварианта». Конструкции с союзом *sa* предлагается считать расширенным типом относительных клауз, а именно разновидностью коррелятивных конструкций, в которых отсутствует обязательное маркирование мишени или коррелята и которые, как следствие, могут иметь очень широкий круг значений. Конструкции с союзом di_{IN} рассматриваются как ассертивные клаузы, которые при этом выступают в качестве топика для главного предложения — тем самым объединяются их темпоральные, нарративные и условные употребления. Наконец, я предполагаю, что союз di_{EX} не имеет какой-либо специальной семантики, выступая как дискурсивная частица, сигнализирующая неоконченность предложения и наличие сразу после высказывания продолжающей его клаузы. Такая система, сочетающая чрезвычайно ограниченный инвентарь показателей с очень абстрактным значением каждого из них, представляет интерес с точки зрения теории и типологии сложного предложения, а также сравнительного изучения иранских языков.

Ключевые слова: иранские языки, памирские языки, синтаксис, сложное предложение, подчинение

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации». Я благодарен всем бартангцам, помогавшим мне в полевой работе и согласившимся выступить языковыми консультантами, в особенности Файзмамаду Назариеву, Холиканазару Кучакшоеву, Пулоду Кучакшоеву, Джонали Пирмамадову, Аноятшо Соибназарову и Кучакшо Соибназарову. Часть материала этой статьи была представлена в качестве докладов на экспедиционном семинаре памирской экспедиции (июль 2023 г., Хорог, ГБАО, Таджикистан) и на 10-й Международной конференции по иранскому языкознанию (январь 2025 г., Витербо, Италия); я благодарен слушателям этих докладов за их комментарии. Наконец, я хотел бы выразить признательность двум анонимным рецензентам журнала «Вопросы языкознания» за их ценные замечания к тексту статьи. Все ошибки — на моей совести.

Для цитирования: Беляев О. И. Полифункциональные подчинительные конструкции в бартангском языке: к единому анализу. *Вопросы языкознания*, 2025, 3: 30–61.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.3.30-61

Polyfunctional subordinating constructions in Bartangi: Towards a unified analysis

Oleg I. Belyaev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; belyaev@ossetic-studies.org

Abstract: In the article I consider the system of subordination in Bartangi, one of the Pamir languages of Mountainous Badakhshan (Iranian branch of Indo-European). I describe the marking strategies of all major subordinate clause types and demonstrate that the core of the system consists of only three subordinators — preverbal *ca*, clause-internal *di* (di_{IN}) and interclausal *di* (di_{EX}) — each of which has a remarkably broad range of usage. I suggest that for each of these subordinators, its range of functions can be derived from a single semantic or syntactic definition. I propose treating constructions with *ca* as an extended type of relativization — a kind of correlatives — that lack dedicated marking of the relative or matrix NP and can thus have a very wide range of meanings. Constructions with di_{EX} are treated as assertive clauses that simultaneously serve as topics for the main clause: this allows unifying their temporal, narrative, and conditional functions. Finally, I treat the subordinator di_{EX} as lacking any special semantics, serving as a discourse particle that signals that the sentence is incomplete and will be immediately followed by a continuation clause. Such a system, having an extremely narrow inventory of markers with very abstract meanings, is remarkable for the typology and theory of subordination, as well as for the comparative study of Iranian languages.

Keywords: Iranian languages, Pamir languages, syntax, complex clauses, subordination

Acknowledgements: This research has been supported by the Russian Science Foundation, project No. 22-18-00528 “Clausal connectives in sentence and discourse: Semantics and grammaticalization paths”. I am grateful to all speakers of Bartangi who helped me in my fieldwork and agreed to act as language consultants, in particular to Fayzmamad Nazariyev, Kholiqnazar Kuchakshoev, Pulod Kuchakshoev, Jonali Pirmamadov, Anoyatsho Soibnazarov and Kuchaksho Soibnazarov. Some of the data discussed in this paper have been presented as talks at the Pamir field trip seminar (July 2023, Khorog, Gorno-Badakhshan Autonomous Oblast, Tajikistan) and at the 10th International Conference on Iranian Linguistics (January 2025, Viterbo, Italy); I am grateful to the audience of these talks for all their comments. Finally, I thank two anonymous reviewers of *Voprosy Jazykoznanija* for their comments and suggestions. All errors are mine.

For citation: Belyaev O. I. Polyfunctional subordinating constructions in Bartangi: Towards a unified analysis. *Voprosy Jazykoznanija*, 2025, 3: 30–61.

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.3.30-61

1. Введение

Традиционное представление о сложноподчиненном предложении основано на системах с большим количеством показателей, каждый из которых специализирован для выражения определенного синтактико-семантического класса придаточных: относительных клауз, сенсентциальных актантов, придаточных времени, условия, причины и т. д. Однако во многих языках мира системы полипредикации устроены иначе: в них небольшое число показателей обслуживает сразу весь круг типов придаточных предложений. При рассмотрении таких систем всегда встает вопрос о том, имеем ли мы дело с омонимией нескольких конструкций и с полисемией соответствующих показателей или же для каждого из показателей можно предложить структурный и семантический инвариант, из которого контекстно выводятся традиционные типы придаточных клауз.

В настоящей статье на материале бартангского языка я рассмотрю одну из таких «редуцированных» подчинительных систем. На основании описания маркирования основных функциональных типов подчинительных конструкций будет показано, что в бартангском

ядро системы подчинения составляют всего три союза: предглагольный *sa*, внутриклау-зальный *di* (di_{IN}) и интерклаузальный *di* (di_{EX}). Каждый из них обладает достаточно широким набором функций, между которыми зачастую нельзя провести какой-либо строгой границы. Это указывает на то, что анализ в терминах полисемии несостоятелен; в статье предлагаются возможные единые, инвариантные толкования для каждого из этих союзов.

Бартангский — один из памирских языков (иранские), распространенный в долине реки Бартанг в Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан. Он относится к шугнано-рушанской группе, в рамках которой образует диалектный континуум с соседними языками (рошорвским, рушанским, шугнанским и др.). Число носителей бартангского языка оценить сложно; по данным советской переписи 1989 г., оно составляло около 5,5 тыс. человек [Тульский 2005], и можно предположить, что с тех пор количество носителей только уменьшалось в связи с тенденцией к миграции в областной центр Хорог, Душанбе и другие страны. Бартангский язык обладает базовым порядком слов SOV (с возможностью других порядков), последовательным левым ветвлением внутри именной группы; используются как предлоги, так и послелоги. Двухпадежная система сохранилась только у личных и указательных местоимений (у последних — в том числе в позиции приименных модификаторов). В современном бартангском языке маркирование ядерных актантов следует нейтрально-аккузативной модели: А и S-участники маркируются прямым падежом; Р стоит в немаркированной форме, если он выражен нарицательным именем без демонстратива, и маркируется предложом *az*, если он выражен местоимением, именем собственным или имеет при себе демонстратив. Глагольная система строится вокруг трех основ и соответствующих им темпоральных форм: настоящего времени, прошедшего времени и перфекта. Глагол согласуется с А/S-участником при помощи лично-числовых окончаний (в формах настоящего времени) или энклитик второй позиции (в формах прошедшего времени и перфекта).

Источником для исследования послужили как данные, собранные в селе Басид в ходе моих экспедиций в 2023–2024 гг., так и бартангские тексты и примеры, опубликованные ранее в работах [Соколова 1960; Карамхудоев 1973; Шакармамадов (сост.) 2005]. Бартангские примеры без указания источника получены в поле методом элицитации. Рядом с примерами из устных текстов, записанных автором совместно с А. О. Бадеевым и А. А. Сергиенко в 2023–2024 гг., указано условное название текста в фигурных скобках. Опубликованные ранее примеры, приводимые в статье, по умолчанию относятся к басидскому говору, однако я использую также материал других говоров (сипанджского, равмедского), соответствующие его помечая, исходя из того, что различия между ними в области подчинения несущественны. Перевод цитируемых примеров всегда взят из соответствующих источников. Транскрипция унифицирована с системой, используемой в настоящей статье и в интернет-ресурсе *ramiri.online* [Makarov et al. 2022]¹.

Статья устроена следующим образом. В разделе 2 в общих чертах описывается инвентарь подчинительных союзов в бартангском, включая сведения об их происхождении, позиции и имеющихся описаниях в литературе. В разделе 3 в общих чертах дается обзор проблемы классификации рассматриваемых показателей как союзов и их сочинительно-подчинительного статуса. В разделе 4 последовательно описываются основные функциональные зоны подчинения: время (таксис), условие, уступка, причина, цель, релятивизация, сентенциальные актанты и результат; описывается дистрибуция в них каждого

¹ Глоссирование в целом следует Лейпцигским правилам (<https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>), за тем исключением, что, поскольку аффиксальный/клитический статус многих показателей в бартангском языке пока не ясен, я отделяю все единицы, которые в более ранних источниках пишутся через дефис или слитно, дефисом (-). Единственным исключением являются лично-числовые клитики второй позиции, которые, ввиду их особого статуса, глоссируются через знак двойного дефиса (=). Род и/или число отмечаются только у тех глагольных форм, которые по ним согласуются; для экономии места при мужском (М) и женском роде (F) подразумевается единственное число. Список глосс приведен в конце статьи.

из трех описываемых союзов. Наконец, в разделе 5 делается попытка предложить единое толкование для каждого из обсуждавшихся в статье показателей, из которого выводились бы отдельные контекстно обусловленные употребления.

2. Инвентарь подчинительных союзов

Бартангский язык отличается чрезвычайно редуцированной системой подчинительных союзов. Подавляющее большинство типов подчинительных клауз кодируются при помощи всего двух союзов: *sa* и *di*², каждый из которых выражает весьма широкий круг подчинительных отношений (о нюансах их употребления будет сказано ниже). Широко употребляются также специализированные показатели: *agar* ‘если’, *lāk* ‘чтобы’ и *to* ‘до’, однако эти элементы необязательны к употреблению и лишь уточняют значение, вносимое одним из двух базовых союзов. Нефинитные формы в бартангском встречаются в подчинительной функции редко, за исключением инфинитива в конструкциях контроля подлежащего зависимой клаузы с такими матричными глаголами, как ‘хотеть’, ‘уметь’ и т. д. Поэтому в настоящем разделе я рассмотрю только указанные выше базовые союзы, обсуждая их происхождение, позицию и основной круг функций по данным имеющейся литературы.

2.1. Союз *sa*

2.1.1. Происхождение

Союз *sa* восходит к вопросительному слову **ča*- ‘что’, возможно, с контаминацией с праиранской частицей **čid/čit* [Morgenstierne 1974: 22; Расторгуева, Эдельман 2003: 199, 255], имевшей изначально, вероятно, скалярно-аддитивное значение (‘даже’, ‘тоже’) и использовавшаяся также как показатель неопределенных местоимений, образованных от вопросительных слов [Расторгуева, Эдельман 2003: 254]. Последнее предположение призвано объяснить использование *sa* в составе неопределенных местоимений: *ar čī sa* ‘кто-то’ (*ar* — из тадж. *har* ‘каждый’, *čī* ‘кто’), *ar čiz sa* ‘что-то’ (*čiz* — ‘вещь’, ‘что’); впрочем, эти выражения можно рассматривать и как сочетания неопределенных местоимений (*ar čī* ‘всякий’, *ar čiz* ‘всякое’) с предглагольным союзом *sa*, который в данном случае выполняет общеподчинительную функцию (относительную или условную, см. ниже); ср. также [Карамхудоев 1973: 122]. Таким образом, сценарий развития вопросительной основы в «универсальный» подчинительный союз повторяет то, что мы встречаем в большинстве других иранских языков; так, в персидском универсальный подчинительный союз *ki* (совр. перс. *ke*, тадж. *ki*) восходит к основе **ka*- [Эдельман 2011: 155].

2.1.2. Позиция

Союз *sa* в бартангском, как и в близкородственных языках, занимает строго предглагольную позицию (1). Согласно имеющимся у меня данным, *sa* может отделяться

² Я исхожу из традиционной классификации, согласно которой союзы *hi* и *at* относятся к сочинительным [Карамхудоев 1973: 266–270] и, соответственно, остаются за рамками настоящей работы. Вопрос об их семантике, а также об отличиях клаузального сочинения и подчинения в бартангском, заслуживает отдельного исследования.

от глагольной словоформы только показателем отрицания, который сам находится максимально близко к глаголу: *ca na yāč* (SUBD NEG прийти.PRF.M) ‘который не пришел’, **na ca yāč*. Какие-либо иные составляющие, в том числе именные части сложных глаголов, не могут стоять между *ca* и глаголом, ср.: *tufā ca čūg* (подарок SUBD делать.PST) ‘которую подарил’, **ca tufā čūg*.

- (1) *awal=um ar čöd ca indīd, na-wzont=af az mun*
 первый=1SG LOC.DOWN дом SUBD входить.PST NEG-знать.PST=3PL.TR OBJ я.OBL
 ‘Когда я вошел в дом, сначала меня не узнали’ [Карамхудоев 1973: 272].

2.1.3. Функции

В. С. Соколова [1960: 91–92] выделяет у союза *ca* следующие значения: 1) выражение «той или иной предпосылки действия (время, условие, причина)»; 2) маркирование определительных (т. е. относительных) предложений. Н. Карамхудоев [1973: 272–275] приводит более дробный набор функций: 1) время; 2) условие; 3) относительные конструкции («при наличии либо в главной, либо в придаточной части указательных местоимений» [Там же: 273]); 4) место. Эти значения иллюстрируются при помощи многочисленных примеров, каких-либо комментариев об ограничениях на употребление этих союзов в работах не приводится.

2.2. Союз *dī*

2.2.1. Происхождение

По сравнению с союзом *ca*, этимология союза *dī* менее ясна. Г. Моргенштерне, описывая его как «темпоральную и эмфатическую частицу», возводит его с долей сомнения к **tai* [Morgenstierne 1974: 29], энклитическому местоимению 2 л. ед. ч. в древнеиранском. Этот показатель сравнивается Г. Моргенштерне с *te* в парачи, *da* и *dī* в ормури, а также с *de* в пушту, однако и в пушту [David 2014: 372–373], и в ормури [Efimov 2011: 225–228] эти показатели являются частицами и не имеют каких-либо подчинительных функций.

Более правдоподобным представляется предположение Дж. И. Эдельман, согласно которому шугнано-рушанское *dī* восходит к местоименной основе **aita-*, имевшей значение среднего дейктика. Значение союза, по мысли Дж. И. Эдельман, развилось из употребления этого местоимения в значении наречия (ср. авест. *aēta* ‘тогда’, парф. *’ud* ‘здесь, сюда’) [Расторгуева, Эдельман 2000: 132]; в этом случае союз *dī* и местоимение среднего дейксиса *yid*, формы косвенного падежа м. р. *dī*, ж. р. *dim* имеют общее происхождение.

2.2.2. Позиция

Под единым ярлыком «союз *dī*» у Н. Карамхудоева в действительности скрываются два различных элемента с различной позиционной дистрибуцией и функциональным распределением. С одной стороны, имеется конечный, или интерклаузальный, *dī*, который линейно следует за главной клаузой и предшествует придаточной, при этом энклитически присоединяясь к последнему слову первой, так что после гоморганных согласных он часто произносится просто как *=i*, ср. (2). Союз может также иметь вид *idi* — по-видимому, преимущественно после консонантных кластеров, хотя дистрибуция фонетических вариантов *dī* пока не изучалась. Также в текстах зафиксирован вариант *didi*.

- (2) *cond* *tov=um* *tā-r* *huvd-i,* *lap* *fizūli* *mā-kin*
 сколько раз=1SG ты.OBL-DAT говорить.PST-LNK много хитрость PRON-делать.PRS[2SG]
 ‘Сколько раз я тебе говорил, не хитри’ [Карамхудоев 1973: 311].

Для этого союза я буду использовать в дальнейшем ярлык *di_{EX}*, где *EX* обозначает, что этот союз находится на границе главной и зависимой клаузы и не может линейно располагаться внутри одной из них.

Второй тип союза *di* всегда линейно расположен внутри зависимой клаузы, при этом для него доступны две позиции: вторая, т. е. после первой составляющей в своей клаузе (после энклитических лично-числовых показателей, если они имеются), или непосредственно перед глаголом. Обычно союз занимает одну из этих двух позиций, однако не запрещен и его повтор, как в (3). Для этого союза в текстах также зафиксирован фонетический вариант *idi*.

- (3) *tū=t* *di* *māš-ri* (**di*) *bazaygarak* *di* *dācūg,* *māš=ti* *xuš*
 ты=2SG SUBD мы-DAT SUBD игрушка SUBD давать.PST мы=FUT радостный
sān
 идти.PRS:1PL
 ‘Когда ты даришь нам игрушки, мы радуемся’.

Этот вариант союза *di* я буду условно обозначать как *di_{IN}*, где *IN* обозначает его позицию внутри зависимой клаузы.

2.2.3. Функции

Как и союз *sa*, в существующих источниках *di* описывается как чрезвычайно полисемичный показатель. В. С. Соколова [1960: 101–103] различает два варианта союза *di*. Первый (который в основном соответствует обозначаемому здесь как *di_{EX}*) она описывает как союз, который присоединяет: 1) дополнительные предложения (т. е. сентенциальные актанты); 2) предложения цели; 3) «поясняющие» предложения (‘так, что’): под этим ярлыком объединяются придаточные образа действия («я тебя так поколочу, **что** ты умрешь») и относительные клаузы со значением признака («он был таким притеснителем, **что** каждый год собирал с людей жестокие поборы»); 4) «предложение, в котором выражено обнаружение чего-либо» (в таких контекстах, как: «входит туда, **а** там сидит красивая девушка»); 5) «последовательные действия с оттенком результата, следствия» (в нашей терминологии два последних типа образуют так называемые «консекутивные» клаузы, см. ниже); кроме того, в качестве шестого значения приводятся употребления с другими показателями (*to* ‘до’, *cond* ‘сколько’), которые, как представляется, уточняют базовое значение союза.

Второй вариант союза в основном соответствует обозначаемому здесь как *di_{IN}* и описывается весьма похоже на союз *sa*: он «выражает общую предпосылку действия (условие, время, причину), сочетаясь с прошедшей формой глагола (в значении совершенного будущего)» [Там же: 103]. Как мы увидим ниже, эта характеристика не исчерпывает всех употреблений союза *di_{IN}*. Кроме того, здесь же приводится второе значение «мгновенной последовательности действий»; приводимые в этом месте примеры содержат *di* в интерклаузальной позиции (т. е. *di_{EX}*) и, по моему предположению, могут быть также отнесены к обозначаемым здесь как «консекутивные».

Н. Карамхудоев [1973: 275–277] не разделяет два типа употребления *di* и приводит следующие типы зависимых, оформляемые этим союзом: 1) придаточные времени (здесь объединяются собственно темпоральные и «консекутивные» употребления); 2) определительные придаточные; 3) дополнительные придаточные (сентенциальные актанты); 4) придаточные подлежащего (другой подвид сентенциальных актантов); 5) придаточные

причины; 6) придаточные цели; 7) придаточные результаты, следствия; 8) уступительные придаточные; 9) придаточные «результата и времени при мгновенной последовательности действия (с подчеркнутой выразительностью)» (отличие этого значения от значения 7 не пояснено); 10) прямая речь. Также специально выделяются сочетания начального (интерклаузного) *di* с отрицательной частицей *na* в значении 'чтобы не', 'а не то'.

3. Синтаксический статус клауз

Данная выше характеристика *ca*, di_{IN} и di_{EX} как подчинительных союзов основана исключительно на традиции описания бартангского и других языков шугнано-рушанской группы. Ни в одной из цитированных выше работ не приводится явных аргументов в пользу того, что, во-первых, эти единицы являются союзами (а не, например, частицами); во-вторых, что они вводят именно зависимые клаузы. В настоящем разделе будет показано, что традиционная характеристика рассматриваемых показателей в целом является верной, хотя и требует некоторых уточнений (которые должны быть предметом отдельного исследования).

Понятие «союз», как и другие традиционные термины для частей речи, в современной лингвистике не имеет общепринятого определения, и его понимание зависит от выбора теоретической парадигмы. Так, в формальных теориях, основанных на структуре составляющих, союзу ближе всего соответствует категория *C* (complementizer) или одна из категорий внутри расщепленной версии этой проекции (Force, Fin и т. д.) [Rizzi 1997]. Однако идентификация показателя как занимающего одну из этих позиций требовала бы формального анализа всей структуры клаузы в бартангском, что не входит в задачи настоящего исследования. Аналогично, при следовании функционально-типологическому подходу определение понятия «союз» должно быть встроено в общее представление о частях речи в бартангском, что, опять же, требует самостоятельного изучения.

Исходя из этого, я буду использовать традиционный термин «союз», понимая под этим скорее более общее понятие «коннектор», используемое, в частности, О. Ю. Иньковой [2018: 3] для обозначения «языковых единиц, выполняющих в тексте связующую функцию». Рассматриваемые единицы, безусловно, соответствуют этому определению, поскольку они регулярно используются для оформления различных семантических отношений между клаузами.

Как и понятие «союз», понятия «сочинение» и «подчинение» в современной лингвистике также не имеют общепринятого определения; их понимание во многом зависит от теоретической парадигмы, в рамках которой выполнено исследование. Во всяком случае, ясно, что традиционное противопоставление этих двух типов соединения клауз ко многим языкам и конструкциям не применимо. Существуют промежуточные типы между сочинением и подчинением; о различных подходах к этому вопросу см., в числе прочих, такие работы, как [Подлесская 1992; Culicover, Jackendoff 1997; Рудницкая 1997; Yuasa, Sadock 2002; Haspelmath 2004; Kazenin, Testelet 2004; Belyaev 2015]. Мои предварительные полевые данные показывают, что и в бартангском, как и во многих других языках, четкое разделение всех полипредикативных конструкций на сочинительные и подчинительные невозможно. Очевидно, полное исследование синтаксических свойств различных типов сложного предложения выходит за рамки настоящего исследования. Тем не менее стоит указать, что из всех коннекторов бартангского языка именно *ca* наиболее последовательно демонстрирует подчинительные свойства; статус di_{IN} не вполне ясен, тогда как di_{EX} едва ли можно вообще считать синтаксически подчинительным. В подтверждение этого положения приведу два аргумента.

Во-первых, конструкции с *ca* и di_{IN} , но не di_{EX} , обладают свойством переставимости. Клауза, включающая один из этих показателей, обычно предшествует другой (главной)

клаузе, однако возможен и обратный порядок, причем интерпретация конструкции не изменяется:

- (4) *wāḍ=an nāsč vad, māš=an ca yat*
 D3.PL.NOM=3PL сидеть.PRF.PL быть.PST.PL мы=1PL SUBD прийти.PST
 ‘Когда мы пришли, они сидели’ [Карамхудоев 1973: 282].
- (5) *pulod=ti ačefs-t, tar čöd di yat*
 П.=FUT спать.PRS-3SG LOC.EQ дом SUBD прийти.PST
 ‘Пулод ляжет спать, когда придет домой’.

При этом для однозначно сочинительного союза *at*, который выступает энклитикой к первому конъюнкту, подобная перестановка неприемлема:

- (6) a. *pulod kor kičt-at, asad xu dām det*
 П. работа делать.PRS:3SG-CONJ А. REFL отдых бить.PRS:3SG
 b. **asad xu dām det, pulod kor kičt-at*
 c. **at asad xu dām det, pulod kor kičt*
 ‘Пулод работает, а Асад отдыхает’.

В соответствии с этим критерием di_{EX} скорее ведет себя как сочинительный показатель, поскольку порядок клауз и его позиция между ними фиксированы:

- (7) a. *āz fām-um di, kučakčxo ŷan vūj*
 я.NOM знать.PRS-1SG LNK К. жена брать.PRF
 b. **kučakčxo ŷan vūj, āz fāmum di*
 c. **di kučakčxo ŷan vūj, āz fāmum*
 ‘Я знаю, что Кучакшо женился’.

Во-вторых, клаузы, оформленные *ca*, можно сочинить при помощи союза *at* (этот тест применительно к русскому языку предложен в работе [Ширяев 1986: 18–21]; см. также [Тестелец 2001: 259]), что невозможно для клауз, оформленных сочинительными союзами:

- (8) *k-az dif=at mu-r ca dāčüg at ca luvd=at,*
 EMPH-OBJ D2.PL.OBL=2SG я.OBL-DAT SUBD давать.PST CONJ SUBD говорить=2SG
fuk-aθ=an dāḍ dirūy vad
 весь=EXN=3PL D2.PL.NOM ложь быть.PST.PL
 ‘Все, что ты мне давала и что говорила, — все это оказалось ложью’ [Соколова 1960: 43].

Аналогичных примеров для di_{IN} мне найти не удалось; в известных мне случаях он оформляет лишь первую из клауз (9). Это может говорить о том, что в синтаксической структуре предложения этот союз занимает начальную позицию, но подвергается инверсии из-за своего проклитического статуса. Однако такая трактовка не является теоретико-нейтральной и требует отдельного обоснования.

- (9) *kor di bašānd nā at as xu tar-um kin-at*
 работа SUBD хороший нет CONJ OBJ REFL LOC.EQ-D2.LOC делать.PRS[2SG]-CONJ
lāk, yā čiz darkor!
 ладно D3.SG.NOM что нужный

‘Если не работаешь хорошо, а лишь бы как-нибудь — к чему такая работа!’ [Карамхудоев 1973: 309] (букв.: «Если работа не хороша, но лишь бы ее сделать — зачем она нужна!»).

Что касается di_{EX} , то для него какое-либо сочинение такого рода полностью исключено; единственная допустимая позиция для него — непосредственно после главной клаузы:

- (10) *yid mis čās-t idi, vo lap-aθ naχčīr tar*
 D2.SG.NOM ADD смотреть-PRS.3SG LNK опять много-EXH козел LOC.EQ
*puχtā, at (*dī) yīw naχčīr az uf-inder yullā*
 гора CONJ LNK один козел ABL D3.PL.OBL-IN большой
 ‘...так же видит, что в горах много горных козлов и что один из них — большой’ [Солодова 1960: 49].

Таким образом, по этим двум критериям *sa* является однозначно подчинительным союзом, di_{IN} обладает во всяком случае частью подчинительных свойств, тогда как di_{EX} можно назвать подчинительным лишь условно. Забегая вперед, отмечу, что такие свойства союзов полностью соответствуют тем толкованиям, которые будут предложены для них ниже.

4. Оформление основных типов сложного предложения

4.1. Общие замечания

Из предшествующего краткого обзора видно, что существующие описания синтаксиса и семантики союзов в бартангском языке носят довольно неоднородный характер, и на их основании едва ли возможно составить ясную картину их функционирования в языке. Это вполне объяснимо, так как бартангская система подчинения действительно отличается меньшим инвентарем показателей по сравнению с привычными для грамматической традиции индоевропейскими системами. Однако бедность инвентаря не означает, что союзы взаимозаменяемы и различные типы придаточных неотличимы друг от друга. Как кажется, значительно более успешное описание системы подчинения может быть достигнуто при следовании не от формы к функции (т. е. от союза к его значениям), но, как это принято в современной типологии, — от функции к форме.

В настоящем разделе, не претендуя на полный охват бартангских подчинительных конструкций, я опишу средства маркирования и общую структуру основных функциональных типов подчиненных клаузов.

4.2. Темпоральные придаточные

В темпоральных придаточных используется один из двух союзов: *sa* или di_{IN} . Различие между союзами на первый взгляд состоит в том, что *sa* используется преимущественно по отношению к прошедшему времени (11), а di_{IN} — к будущему (12).

- (11) *asad ar kučā ca žoχt, weχt*
 A. LOC.DOWN улица SUBD бежать.PST падать.PST
 ‘Когда Асад перебежал улицу, он упал’.
- (12) *pulod di yat / *yoδd / *yač, āz=ti aχafs-um*
 П. SUBD прийти.PST.M прийти.PRS.3SG прийти.PRF.M я.NOM=FUT засыпать-PRS.1SG
 ‘Когда придет Пулод, я лягу спать’.

Согласно описанию К. Паркера, в шугнанском языке это распределение носит характер жесткого правила: di_{IN} используется при референции клаузов к будущему времени (и только с формами прошедшего времени), а *sa* — во всех остальных случаях [Parker 2023: 428–431]. В бартангском, однако, настолько строгой дистрибуции не наблюдается: каждый из союзов

может использоваться в клаузах с любой темпоральной референцией, о чем говорят следующие три «исключения» из общего правила, сформулированного выше.

Во-первых, при одновременности двух ситуаций и в хабитуальных контекстах, вне зависимости от темпоральной локализации, можно использовать как *ca*, так и *di_{IN}* (13)–(15).

- (13) ...*odam ca yač, azob qatī krūsč at krūsč...*
 человек SUBD прийти.PRF.M мучение INS тереть.PRF CONJ тереть.PRF
 ‘Когда кто-нибудь проходил [через овринг], он с трудом карабкался...’ [Карамхудоев 1973: 350]

- (14) ...*ik-id yoc di tar-ed yat, poθ wið-d*
 EMPH-D2.M.NOM порох SUBD LOC.EQ-D2.LOC приходить.PST пуля стрелять.PRS-3SG
 ‘...когда этот порох поступает туда (в отверстие), пуля выстреливает’ {jonali1_200623}.

- (15) *yā di tīz žoz-d, ik-ā kaltak az-ī*
 D3.SG.NOM SUBD быстрый бежать.PRS-3SG EMPH-D3.SG.NOM палка OBJ-D3.M.OBL
azob kičt
 мучение делать.PRS:3SG
 ‘Когда он [горный козел] быстро бежит, та палка его бьет’ (об устройстве ловушки) {jonali1_200623}.

Здесь следует заметить, что темпоральная референция глагольных форм в клаузах с *di_{IN}* при описании последовательности событий является относительной: в таких контекстах всегда используется прошедшее время, даже при локализации их в будущем (12) или в случае хабитуально повторяющейся последовательности событий (14). Если же речь идет об одновременно происходящих событиях, то в зависимой клаузе используется форма настоящего времени, если события относятся к настоящему времени или хабитуально повторяются (15), и форма прошедшего времени, если они относятся к прошлому.

Во-вторых, в бартангском возможно использование *ca* в контексте будущего времени без оттенка условной семантики. Судя по интерпретации примеров, это возможно в случае высокой степени уверенности говорящего в том, что событие будет иметь место, ср.:

- (16) *yā=ti ca yodđ, pa māš=xīz=ti sifent*
 D3.SG.NOM=FUT SUBD прийти.PRS:3SG LOC.UP мы=APUD=FUT подниматься.PRS:3SG
 ‘Когда он придет, непременно (sic! — О.Б.) поднимется к нам’ (сипанджский говор) [Карамхудоев 1973: 161].

Из этого примера видно, что, в отличие от темпоральных клауз с *di_{IN}*, при использовании с *ca* временные формы глаголов всегда имеют абсолютную референцию: в клаузах, относящихся к прошедшему времени, всегда используется прошедшее время или перфект, как в (11) и (13), тогда как в клаузах, относящихся к настоящему или будущему, используются формы настоящего времени (16).

В-третьих, союз *di_{IN}* регулярно используется в темпоральном значении при описании событий в прошлом, образующих нарративную цепочку (17). Союз *ca* в таких контекстах не встречается ни в опубликованных текстах [Соколова 1960; Карамхудоев 1973; Шакармамадов (сост.) 2005], ни в текстах, записанных в 2023–2024 гг.

- (17) *uf milic-en=af di as=xoĵ as=xu ĵoy čūg,*
 D3.PL.OBL полицейский-PL=3PL.TR SUBD ABL=страх OBJ=REFL место делать.PST
mulkamon at nazarī=an zibad
 M. CONJ H.=3PL убежать.PST.PL
 ‘Когда полицейские от страха спрятались, Мулкамон и Назари убежали’ [Карамхудоев 1973: 355].

В целом и *ca*, и *di_{IN}* могут использоваться во всех типах предшествования и одновременности, выделяемых в типологии В. С. Храковского [2009]. Единственным типом

темпоральных отношений, в котором возможно использование только союза *са*, является следование (18), причем в этом случае главная клауза должна также содержать явное указание на последовательность событий («перед этим») или аналогичное обстоятельственное выражение).

- (18) *māmad.murod.bek k-ar-dim ʃanīz tā-ri са vīj,*
 M. EMPH-DOWN-D2.F.OBL невеста ты.OBL-DAT SUBD приводить.PRF
piro xubaθ dim xīz aʃovj
 раньше сам D2.F.OBL APUD засыпать.PRF.M

‘Мамад-Мурод-бек, когда он привел тебе невесту, так он прежде сам с ней спал’ [Сokolova 1960: 22].

Эти данные говорят о том, что темпоральная референция сама по себе не является фактором, определяющим употребление этих союзов, и объяснение их дистрибуции следует искать в другом.

4.3. Условные и уступительные придаточные

4.3.1. С союзом *са*

Условные и уступительные придаточные маркируются в основном идентично. В обоих случаях используется союз *са*, значение которого может факультативно уточняться заимствованным из таджикского начальным союзом *agar* ‘если’. Тип условия определяется формой глагола в зависимой клаузе: при реальном условии используется настоящее время (19), при нереальном — перфект (о терминах «реальное» и «нереальное» условие см. [Храковский 1998: 25–27]).

- (19) (*agar*) *boron са dī-d, māš lōqpar fuk=aθ xist saw-d*
 если дождь SUBD падать.PRS-3SG мы одежда весь=ADD мокрый идти.PRS-3SG
 ‘Если пойдет дождь, вся наша одежда промокнет’³.

Уступительные конструкции в бартагском, по моим данным, не имеют какого-либо особого маркирования. Чаще всего они совпадают в своем оформлении с условными, см. (20). Уступительное или адверсативное значение может также привноситься в сложные предложения иных типов при помощи частицы *mis* ‘тоже, даже’, что типологически ожидаемо для аддитивных показателей, ср. [König 1998; Forker 2016]⁴.

- (20) *agar biyor=um xūrayt rang са čūj, nūr yā qoq*
 если вчера=1SG стена цвет SUBD делать.PRF сейчас D3.SG.NOM сухой
na suj
 NEG идти.PRF.M

‘Хоть я вчера и покрасил стену, сегодня она не высохла’.

³ Анонимный рецензент задается вопросом, возможно ли интерпретировать этот пример хабитуально или актуально-длительно: «Если идет дождь, наша одежда промокает». Насколько мне известно, при хабитуальной интерпретации будет использоваться клитика второй позиции *=ti*, тогда как актуально-длительная интерпретация формально неотличима от футуральной.

⁴ К. Паркер [Parker 2023: 433] описывает уступительные конструкции в шугнанском как отличающиеся от условных наличием частицы *mis*. Для бартагского это в общем случае неверно: *mis* в уступительных контекстах необязательна.

4.3.2. С союзом di_{IN}

Хотя при опросе носителей союз di_{IN} никогда не предлагался в качестве ответа на условный стимул, в опубликованных источниках имеются примеры, где он переводится как условный. Все они, однако, относятся к настоящему или будущему времени и допускают также темпоральную интерпретацию, что отражено в переводе в (21) В. С. Соколовой. Соотношение форм времени также совпадает с тем, что мы видели выше в темпоральных конструкциях.

- (21) *mun markāb=tōr=at di δaw tov žōz veg=at varδod,*
 я.OBL осел=SUPER=2SG SUBD два раз дрова нести.INF=2SG мочь.PST
wal=ti mu=ri xizmat čeg-ow varδī
 тогда=FUT я.OBL=DAT служба делать.INF-INF мочь.PRS[2SG]

‘Если (когда, как) сумеешь два раза привезти на моем осле дров, тогда сможешь служить мне’ [Соколова 1960: 103].

Единственным случаем, когда можно с уверенностью говорить об употреблении di_{IN} в собственно условном значении, является его использование совместно с союзом *agar*:

- (22) *agar wī zed-ow=at di vārδod, vo=ti tey=at, tey=at...*
 если D3.M.OBL убить.INF-INF=2SG SUBD мочь.PST опять=FUT идти.PRS[2SG]=CONJ
 ‘Если ты сумеешь его (дива) убить, то опять иди, иди...’ [Соколова 1960: 103]

4.4. Придаточные причины

4.4.1. С союзами *ca* и di_{EX}

Конструкции причины имеют две стратегии оформления. В первой в качестве коррелята обязательно используется адвербиальный элемент *dondjāt* ‘потому’, который структурно состоит из количественного слова *dond* ‘(на)столько, так (в такой степени)’ [Соколова 1960: 106] и послелoga *jāt* ‘для, ради’ [Там же: 120]. В этом варианте маркирования зависимая клауза всегда следует за главной, и между ними может вставляться союз di_{EX} . При этом возможно как контактное, так и дистантное расположение коррелята относительно союза (ср. русск. *потому... что*):

- (23) a. *zamin xist sud, dondjāt (di) boron δod*
 земля мокрый идти.PST.M потому LNK дождь бить.PST
 ‘Земля намокла, потому что прошел дождь’.
 b. *dondjāt zamin xist sud (di) boron δod*
 потому земля мокрый идти.PST.M LNK дождь бить.PST
 ‘Потому земля намокла, что прошел дождь’.

Другой вариант маркирования предполагает использование союза *ca*, при этом зависимая клауза обычно стоит в препозиции (но, как и в других случаях, не запрещается ее постпозиция):

- (24) *boron ca δod, zamin xist sud*
 дождь SUBD дождить.PST земля мокрый идти.PST.M
 ‘Поскольку был дождь, земля стала мокрой’.

4.4.2. Союз di_{IN} как «причинный» союз

Союз di_{IN} также может употребляться в контекстах, которые Н. Карамхудоев относит к причине (25). В них зависимая клауза описывает ситуацию, истинную в актуальном мире; в русском переводе Н. Карамхудоев во всех таких случаях использует союз *поскольку*.

- (25) *tū di tar mun=xīz na yed, āz mis*
 ты SUBD LOC.EQ я.OBL=APUD NEG приходить.PRS[2SG] я.NOM ADD
tar tā=xīz na yed-um
 LOC.EQ ты.OBL=APUD NEG прийти.PRS-1SG

‘Поскольку ты ко мне не приходишь, я тоже к тебе не приду’ [Карамхудоев 1973: 276].

Эти примеры объединяет та особенность, что в них союз маркирует скорее не логическую причину события, описанного в главной клаузе, но объяснение, которое говорящий предлагает для этого события. Такая функция достаточно близко соответствует семантике русского союза *раз*, например, в описании Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука [2007: 499]: «[*P*], *раз Q* (...) автор высказывания сигнализирует, что при наличии факта *Q*, который имеет место (...) факт *P* является совершенно естественным». Характерно, что, так же как и русский *раз*, di в таком «условно-причинном» значении малопримем для выражения чисто логической связи между ситуациями:

- (26) *#boron di δod, zamin xist sut*
 дождь SUBD бить.PST земля мокрый идти.PST.M
 #‘Раз был дождь, земля стала мокрой’.

На сходство «условно-причинного» di и русского *раз* указывает также то, что среди тех немногих примеров, где бартагский союз встретился в устных текстах в этом значении, очень часты⁵ иллюкутивные употребления (контексты с императивной, юссивной или модальной семантикой в главной клаузе), ср. (27)–(28).

- (27) *mawlo luvd=i sardor-i maloika=t di yast zabonxat*
 господь говорить.PST=LNK глава-EZ ангел=2SG SUBD EXST расписка
dāk
 дать.PRS[2SG]

‘Бог сказал: «Ты (Сатана) глава ангелов, дай расписку о сказанном»’ (сипанджский говор) [Шакармамадов (сост.) 2005: 46, 51] (ср.: «РАЗ ты глава ангелов...»).

- (28) *āz=um xu par cem di na wīnt, lāk sawd*
 я-1SG REFL INS глаз SUBD NEG видеть.PST пусть идти.PRS:3SG

‘Поскольку я не видел своими глазами, пусть так и будет’ (сипанджский говор) [Карамхудоев 1973: 327].

Эти особенности употребления di говорят о том, что его нельзя отнести к причинным союзам. Скорее он является «риторическим» союзом (в терминологии Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука), аналогичным русскому *раз*.

⁵ Объем доступного в настоящий момент корпуса бартагских текстов (записанных в 2023–2024 гг. и опубликованных ранее) весьма невелик. Тем не менее показательно, что из 14 примеров на «причинные» употребления di , найденных мною в записанных устных текстах и опубликованных источниках [Соколова 1960; Карамхудоев 1973; Шакармамадов (сост.) 2005], пять (приведенные в тексте) являются иллюкутивными.

4.5. Придаточные цели

Целевые придаточные в бартангском обычно маркируются союзом *di_{EX}*, с факультативным добавлением элемента *lāk*, который также является модальным показателем с юссивным значением ('пустить').

- (29) *āz=um az xi baʃoy čūg di (lāk) az mun mā*
 я=1SG OBJ REFL спрятанный делать.PST LNK пусть OBJ я.OBL NEG.MOD
wīn-an
 видеть.PRS-3PL
 'Я спрятался, чтобы меня не увидели'.

Однако для целевых клауз возможно и использование союза *ca*, если цель подразумевается как заданная контекстом, упомянутая ранее или известная слушающему, ср. (30), где предполагается, что знаменитость субъекта известна говорящему и слушающему, и (31), где цель выступает в качестве данной информации или темы высказывания (что передается и порядком слов в русском переводе).

- (30) *nomdor yā ca sud, yā lap-aθ ʃoyd*
 знаменитый D3.SG.NOM SUBD идти.PST.M D3.SG.NOM много-ADV читать.PST
 'Чтобы он стал знаменитым, он много учился' (он стал знаменитым).
- (31) *az māš lāk ca na wīn-an, māš pa puḫtā sān*
 OBJ мы пусть SUBD NEG видеть.PRS-3PL мы LOC.UP гора идти.PRS:1PL
 'Чтобы нас не увидели, мы пойдем в горы'.

Впрочем, следует заметить, что, хотя функционально такие примеры, как (30)–(31), и могут использоваться в качестве целевых, их значение достаточно размыто: они могут пониматься и как условно-причинные ('Раз он стал знаменитым, он много учился') — как будет показано ниже в разделе 5.2, это напрямую следует из общей семантики союза *ca*.

4.6. Относительные предложения

4.6.1. Общие замечания

В бартангском языке можно выделить четыре основных способа маркирования относительных конструкций на основании пересечения двух параметров: союз (*ca* или *di_{EX}*) и позиция зависимой клаузы (препозиция, постпозиция, внутри ИГ). Основным фактором, определяющим выбор союза, является референциальный статус относительной конструкции: придаточные с союзом *ca* могут использоваться только в референтных контекстах, придаточные с союзом *di_{EX}* — в неопределенных референтных и нереферентных. Распределение конструкций представлено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение союзов в относительных конструкциях

	<i>ca</i>	<i>di_{EX}</i>
препозиция (коррелятивы)	референтные	неопределенные, нереферентные
постпозиция		
внутри ИГ		

Далее я подробнее рассмотрю функции каждой из стратегий образования относительных конструкций. В соответствии с [Andrews 2007] я буду использовать следующие описательные термины: NP_{rel} для релятивизируемой позиции в зависимой клаузе; NP_{mat} для именной группы в матричной клаузе, референцию которой ограничивает зависимая клауза; S_{mat} для матричной клаузы, S_{rel} для относительной клаузы.

4.6.2. С союзом *sa*

Конструкции с союзом *sa* имеют два варианта: постпозитивный (с внешней вершиной, после NP_{mat} или всей главной клаузы) и препозитивный (коррелятивный). Первый представляет собой хорошо известный из других иранских языков, в частности, персидского, тип конструкции, в которой S_{rel} следует за вершиной, а NP_{rel} либо никак не выражена («пробел», gap strategy), либо выражена указательным местоимением (т. н. резюмтивная стратегия), см. (32). Использование резюмтива факультативно для позиций подлежащего и прямого объекта и обязательно для всех остальных позиций. При этом практически обязательна экстрапозиция относительной клаузы вправо от матричного глагола, как в (32).

- (32) *āz=um ik-az um kitob xoyd [tū=at mu=r*
 я.NOM=1SG EMPH-OBJ D3.F.OBL книга читать.PST ты.NOM=2SG я.OBL=DAT
(az um) tufā sa čūg]
 OBJ D3.F.OBL подарок SUBD делать.PST
 ‘Я прочитал ту книгу, которую ты мне подарил’.

Союз *sa* может также использоваться в коррелятивной конструкции. По моим данным, такие конструкции в бартангском значительно преобладают над постпозитивными; подавляющее большинство примеров относительных конструкций в текстах относится именно к этой стратегии. Здесь зависимая клауза находится слева от главной; NP_{rel} должна быть связана с NP_{mat} («коррелятом») анафорическим отношением (33). При этом каких-либо формальных ограничений на обе ИГ не накладывается; чаще всего в этих конструкциях используется внутренняя вершина и демонстративный коррелят, но возможно также как использование сразу двух вершин, так и отсутствие какой-либо лексически выраженной вершины (34). Какие-либо специальные требования к дейктической серии демонстратива также отсутствуют, хотя по умолчанию используется дальний дейктик, как форма, употребляющаяся в качестве местоимения 3 лица.

- (33) *[tū=at mu=r kitob tufā sa čūg], āz=um*
 ты.NOM=2SG я=DAT книга подарок SUBD делать.PST я.NOM=1SG
ik-az um (kitob) xoyd
 EMPH-OBJ D3.F.OBL книга читать.PST

‘Я прочитал ту книгу, которую ты мне подарил’ (букв.: «Книгу что ты мне подарил, я ту (книгу) прочитал»).

- (34) *[biyor tar tā=xīz (yā / odam / yā odam / yi*
 вчера LOC.EQ ты.OBL=APUD D3.SG.NOM человек D3.SG.NOM человек один
odam) sa ya[], yā mun virod
 человек SUBD прийти.PST D3.SG.NOM я.OBL брат

‘Человек, который к тебе вчера приходил, — мой брат’ (букв.: «Вчера к тебе тот / человек / тот человек / один человек что пришел, тот мой брат»).

Таким образом, в бартангских коррелятивах с *sa* какое-либо формальное маркирование NP_{rel} и NP_{mat} отсутствует. Кроме того, отсутствуют и ограничения на синтаксическую позицию обеих составляющих. Так, возможна релятивизация конъюнкта в сочинительной конструкции.

- (35) [*pulod at yi kaxwoy=an ca yat*], *ik-az um*
 П. CONJ один женщина=3PL SUBD приходить.PST EMPH-OBJ D3.F.OBL
kaxwoy āz wizon-um
 женщина я.NOM знать.PRS-1SG

‘Я знаю ту женщину, которая пришла с Пулодом’ (букв.: «Пулод и одна женщина что пришла, ту женщину я знаю»).

С семантической точки зрения бартангские коррелятивы также достаточно нетипичны для конструкций этого типа, так как они допускают и нерестриктивные употребления:

- (36) [*āz=um tū=ri do ca nost*], *tū=at*
 я.NOM=1SG ты.OBL=DAT два SUBD ставить.PST ты.NOM=2SG
xu dars na xoyd
 REFL урок NEG читать.PST

‘Ты, которому я поставил двойку, не выучил урок’.

Единственное ограничение как на коррелятивные конструкции, так и на конструкции с внешней вершиной состоит в том, что они не могут использоваться в нереферентных или универсальных контекстах.

4.6.3. С союзом *di*_{EX}

В отличие от конструкций с союзом *ca*, которые могут употребляться как в препозиции (коррелятивы), так и в постпозиции (конструкции с внешней вершиной), конструкция с союзом *di*_{EX} может использоваться только в постпозиции. Эта конструкция является единственно возможной в нереферентных контекстах:

- (37) *ar basīd ik-das odam nist di, (yā) darborayi*
 LOC.DOWN Б. EMPH-такой человек EXST.NEG LNK D3.SG.NOM о
zarabīn na fām-t
 3. NEG знать.PRS-3SG

‘В Басиде нет (такого) человека, который не знает о Зарубине’.

Использование модификатора *ikdas* ‘такой’ в главной клаузе указывает на то, что зависящая клауза в этих конструкциях относится не собственно к NP_{rel}, но к ее признаку («нет такого человека, что он не знает о Зарубине»).

4.7. Сентенциальные актанты

Сентенциальные актанты в бартангском маркируются союзом *di*_{EX}, который всегда факультативен. Каких-либо семантических или синтаксических отличий между наличием или отсутствием *di*_{EX} при маркировании сентенциальных актантов выявить не удалось. Для шугнанского К. Паркер [Parker 2023: 438] отмечает, что использование союза *idi* в сентенциальных актантах блокирует интерпретацию последующей клаузы как прямой речи. Это, однако, не подтверждается для бартангского: тексты изобилуют примерами, где местоимения и согласовательные показатели после (*i*)*di* интерпретируются относительно автора прямой речи, а не говорящего, ср.:

- (38) *yā luvj idi xu nān murdā=yum nāla dāčūg=at,*
 D3.SG.NOM говорить.PRF LNK REFL мать труп=1SG QUOT давать.PST=CONJ
az dim=um yid-a vūg
 OBJ D2.F.SG.OBL=1SG D2.SG.NOM-ВОТ брат.PST

‘Он сказал: я отдал труп своей матери, эту взял’ {brt_txt_triabrata}.

Союз di_{EX} может использоваться для маркирования любых типов сентенциальных актантов вне зависимости от семантического статуса клаузы или матричного предиката: как в нефактивных (39), так и в фактивных (40) контекстах (примеры получены путем элицитации при помощи картинок, основанных на мультфильме «Винни-Пух», как в исследовании [Сердобольская, Егорова 2019]), а также с ирреальными компонентами (41). Во всех этих примерах союз может быть опущен. Темпоральные формы в реальных компонентах имеют абсолютную референцию, т. е. прошедшее время и перфект относятся к прошлому, настоящее время — к настоящему или будущему; в ирреальных контекстах используются формы настоящего времени⁶.

- (39) *yā fikri čūg di, asal pa diraxt*
D3.SG.NOM мысль делать.PST LNK мед LOC.UP дерево

‘Он подумал, что мед на дереве’.

- (40) *vinnipux xuš sud di pyatačkā-yā pufak*
B.-П. радостный идти.PST.M LNK П.-POSS шарик

‘Винни-Пух обрадовался (тому), что у Пятачка (был) шарик’.

- (41) *māš-ri darkor di, tifoq at yakdil vaw-an*
мы-DAT нужный LNK дружный CONJ единый быть.PRS-1PL

‘Нам нужно, чтобы мы были едины, в дружбе’ [Карамхудоев 1973: 352].

При элицитации большинство опрошенных мною носителей допустили также использование союза *ca*, но только с фактивными компонентами. Так, в (42) представлен глагол ‘забывать’ в фактивном употреблении, допускающий использование *ca*. В (43), с глаголом ‘думать’, использование *ca* невозможно.

- (42) *āz=um ranöxt, tū=t mađor ca pöxč*
я.NOM=1SG забывать.PST ты.NOM=2SG обед SUBD готовить.PRF

‘Я забыл, что ты приготовил обед’.

- (43) **mualim fikri čūg, māš=ti xu dars ca xoy-an*
учитель мысль делать.PST мы=FUT REFL урок SUBD читать.PRS-1PL

‘Учитель думал, что мы делаем уроки’ (а мы играли в футбол).

Как и в случае с целевыми конструкциями, это говорит о том, что общая, неспецифицированная семантика союза *ca* позволяет использовать его даже в тех контекстах, где узус предполагает использование других показателей.

4.8. «Консекутивные» клаузы и клаузы результата

Наконец, у союза di_{EX} имеется функция, которую трудно отнести к какому-либо традиционно выделяемому классу сочинительных и подчинительных конструкций. Этот союз часто используется в текстах в тех случаях, когда в последовательности из двух клауз вторая (вводимая союзом *di*) выражает событие, в некотором смысле подводящее итог предшествующему дискурсу: либо как его закономерное завершение, как в (44); либо как неожиданное обстоятельство, разрывающее цепочку повествования, как в (45).

- (44) *xīl-ak=an pa wī nāst di, yā mis*
много-DIM=1PL LOC.UP D3.M.OBL сидеть.PST.PL LNK D3.SG.NOM ADD

⁶ Как и в других подобных случаях, исключением является глагол ‘быть’, который в индикативных контекстах имеет нулевую форму или выступает в виде связки *yast*, но в ирреальных контекстах, как в (41), образуется от особой основы *vaw*-.

pido sut
явный идти.PST.M

‘Мы порядочно ждали, и он появился’ (равмедский говор) [Карамхудоев 1973: 276].

(45) *dað az ĵingāl tūyĵ xi uoð-d yi ĵoy idi,*
затем ABL лес уходит.PRF.M SEQ прийти.PRS-3SG один место LNK

wī-ri paryend dučor saw-d
D3.M.OBL-DAT овринг встреченный идти.PRS-3SG

‘Отъехал от леса, подъезжает к одному месту, и ему попадается овринг’ (сипанджский говор) [Соколова 1960: 59].

Такого рода конструкции не имеют единого наименования. Н. Карамхудоев [1973: 276] называет их придаточными «результата, следствия»; В. С. Соколова [1960: 102] пишет об этой функции, что в ней *di* «соединяет последовательные действия с оттенком результата, следствия»; также выделяется функция присоединения предложения, «в котором выражено обнаружение чего-либо» [Там же]. Как кажется, в бартагском все приведенные выше употребления можно считать в широком смысле клаузами результата: речь идет о событии, которое либо является ожидаемым следствием события в первой клаузе (44), либо подводит итог фрагменту дискурса в рамках более широкой логики нарратива (45)⁷.

5. Обсуждение

5.1. Функции союзов

Обобщение описанных выше функций трех бартагских союзов представлено в таблице 2 (с. 48).

Как видно из таблицы, наибольшей полифункциональностью обладает союз *sa*, который широко употребляется во всех типах сложных предложений, кроме придаточных цели, результата и сенсентивных актантов, — именно тех, в которых используется союз *di*_{EX}. При этом большинство носителей допускают использование *sa* в придаточных цели и сенсентивных актантах при элицитации. Таким образом, как представляется, круг потенциальных употреблений этого союза не ограничен каким-либо закрытым списком значений, и его функции разумнее выводить из единого толкования. Союзами *di*_{IN} и *di*_{EX} также обладают достаточно нетривиальными сочетаниями различных функций, в связи с чем встает вопрос о том, можно ли предложить для каждого из них единообразное описание. Попытке предложить такой инвариант для каждого из трех союзов и будут посвящены следующие разделы статьи.

⁷ В другом памирском языке — ваханском — в практически идентичной функции используется показатель *ki*, заимствованный из персидского. Я. Обртелова рассматривает такие клаузы как постпозитивные темпоральные придаточные, в которых «зависимая» клауза является выделенной, а «главная клауза» становится фоном [Obertelová 2019: 265–266]. Таким образом, (45) в интерпретации Я. Обртеловой стоило бы переводить как: «Подъезжает к одному месту, **когда** ему (вдруг) попадается овринг». Действительно, в европейских языках встречаются подобные употребления клауз с темпоральными союзами, но, на мой взгляд, в бартагском нет никаких оснований рассматривать такие конструкции как темпоральные, а «выделенность» второй клаузы ставит под вопрос и их подчинительный статус.

Таблица 2

Обобщение функций союзов

	<i>sa</i>	<i>di_{IN}</i>	<i>di_{EX}</i>
время	+	+	–
условие	+	(+) (только реальное в будущем)	–
причина	+	(+) (‘раз’)	(+) (только с коррелятом <i>dondʒat</i>)
цель	(+) (презумпция истинности, только элицитация)	–	+
релятивизация	+	–	(+) (нереферентные)
сентенциальный актант	(+) (фактивные, только элицитация)	–	+
результат	–	–	+

5.2. Инвариант значения союза *sa*

Большинство типов придаточных, использующих союз *sa*, можно свести к релятивизации в широком смысле этого слова: один из актантов или сирконстантов зависимой клаузы рассматривается как совпадающий с одним из актантов или сирконстантов главной клаузы. Наиболее явно это проявляется в коррелятивных конструкциях, которые в бартагском являются преобладающей стратегией релятивизации. Как мы видели в разделе 4.6.2 выше, бартагские коррелятивы обладают высокой степенью «свободы» даже на фоне коррелятивов в других языках мира: они имеют нерестриктивную интерпретацию (36), релятивизация может подвергаться конъюнкт сочинительной конструкции (35). Более того, референты NP_{rel} и NP_{mat} могут вообще не совпадать. Так, в (46) в зависимой клаузе NP_{rel} относится к школе, тогда как NP_{mat} относится к учителю, работающему в этой школе.

- (46) *ar māš qišloq maktab sa, māš muallim soyib-i tufāst*
 LOC.DOWN мы кишлак школа SUBD мы учитель хозяин-EZ награда
sud
 идти.PST.M

‘Учитель школы в нашем кишлаке получил награду’ (букв.: «Которая школа в нашем кишлаке, наш учитель получил награду»).

Такое связывание между двумя референтами хорошо известно в типологии анафоры под названием ассоциативного связывания (bridging) [Clark 1975]. Стандартный анализ семантики релятивизации предполагает сужение референции NP_{mat} за счет ее роли в S_{rel} , то есть пересечение множеств [Partee 1975: 229; Larson, Segal 1995: 256], и поэтому по определению не совместим с ассоциативным связыванием. Однако примеры, подобные (46), в коррелятивных конструкциях нередки. Впервые эти факты были подробно описаны для осетинского в [Belyaev 2014; Belyaev, Haug 2014] на основании таких примеров, как (47).

(47) ОСЕТИНСКИЙ (ИРОНСКИЙ)

Афæдз-æй афæдз-мæ цы кæнд-тæ хъæу-ы, уы-цы
 год-ABL год-ALL REL поминки-PL быть.нужным-PRS.3SG TOT-DET
хæрдз-тæ мæ-хи-мæ ис-ын
 расход-PL POSS.1SG-REFL-ALL братъ-PRS.1SG

‘Расходы (для) поминок, которые бывают нужны из года в год, я беру на себя’ (букв.: «Которые поминки из года в год нужны, те расходы я беру на себя») [Belyaev, Naug 2014: 98].

В цитируемой работе предлагается анализировать такие примеры в анафорических терминах: зависимая клауза находится в пресуппозиции, при этом требуется, чтобы ИГ, маркированная относительным показателем (в данном случае *цы*), служила антецедентом для ИГ в главной клаузе.

С семантической точки зрения бартагский (46) и осетинский (47) полностью аналогичны. Однако между ними имеется важное формальное различие. В осетинском языке позиции NP_{rel} и NP_{mat} формально маркированы и структурно ограничены: NP_{rel} должна стоять в предглагольной позиции и содержать подчинительный показатель (как правило, совпадающий с вопросительным словом), NP_{mat} должна содержать указательное местоимение или наречие. Ни то, ни другое в общем случае не может быть нулевым. В бартагском, напротив, отсутствуют какие-либо ограничения на NP_{rel} и NP_{mat} , и интерпретация коррелятивов никак не следует из их поверхностной структуры: тот факт, что в (34) соотносятся именно ИГ «школа» и «учитель», задается исключительным контекстом: попытки соотнести между собой другие ИГ либо прагматически невозможны («школа» — «хозяин награды»), либо менее вероятны («деревня» — «учитель»).

Точно так же пример (46) мог бы быть интерпретирован и как конструкция со значением причины (*«Наш учитель был награжден, потому что в нашем кишлаке есть школа»). Такие альтернативные интерпретации в данном случае прагматически сомнительны, но в других примерах бывает затруднительно понять, с каким типом сложного предложения мы имеем дело. Ср. (48), где придаточное может быть переведено и как относительное, и как темпоральное.

(48) *tar ýŭw=an ca sad, poŭ-ā qolib vud*
 LOC.EQ охота=3PL SUBD идти.PST.PL пуля-POSS мерка быть.PST.M

‘Когда ходили на охоту, у пули была мерка’; ‘У пули, с которой ходили на охоту, была мерка’ {jonali1_200623}.

Использование коррелятивов в типах придаточных за пределами собственно относительных хорошо известно в различных языках мира. В упомянутом выше осетинском оно носит особенно гипертрофированный характер: коррелятивами регулярно оформляются не только собственно относительные, темпоральные и условные придаточные (с союзом *куы* ‘когда, если’ и коррелятом *уæд* ‘тогда’), но и придаточные причины (союз *каей* ‘что’, коррелят *уый* ‘то’) и сентенциальные актанты (союз *каей*, коррелят *уый тыххæй* ‘потому’) [Беляев 2014].

Анализ [Belyaev, Naug 2014] полностью применим и к этим типам придаточных — меняются только тип участника, к которому происходит референция. Если в относительных конструкциях это индивид, то во временных — темпоральная локализация клаузы. Несколько более неожиданным может показаться применение этого анализа также к придаточным условия, причины и сентенциальным актантам. Однако условные конструкции можно рассматривать как релятивизирующие возможные миры [Bhatt, Pancheva 2006]; соответственно, в осетинском коррелят *уæд* ‘тогда’ (как и англ. *then*, анализируемый Р. Бхаттом и Р. Панчевой) анафорически отсылает к возможному миру, который вводится в зависимой клаузе. Придаточные же причины и сентенциальные актанты отсылают к событийному аргументу (или к «надстройкам» над ним — фактам, пропозициям), который

считается обязательным компонентом семантической структуры высказывания начиная с работы [Davidson 1967].

В этом случае также ключевым отличием бартангского от осетинского является тот факт, что в осетинском как «релятивизируемый» участник, так и его коррелят обязательно выражены и структурно маркированы, тогда как в бартангском их идентификация зависит исключительно от контекста. Именно это определяет чрезвычайную полифункциональность союза *sa*, позволяющую ему употребляться не только в контекстах, где его использование частотно (время, причина, условие), но и в контекстах, где в узусе предпочтительно использование других союзов. Так, сентенциальные актанты в бартангском обычно маркируются союзом *di_{EX}*, однако доступность «релятивизации» фактивного аргумента в конструкциях причины с союзом *sa* делает доступной и его использование с фактивными придаточными. То же самое можно сказать и о целевых придаточных, где «релятивизируется» пропозициональный аргумент.

Все это позволяет предложить следующее определение для семантики клауз с союзом *sa*:

(49) В конструкции [... *sa* P], [Q]:

- 1) вводится пресуппозиция существования X — одного из участников (семантических актантов или сирконстантов) P;
- 2) один из участников Q должен совпадать (быть анафорически связан) с X.

В таком случае значение относительной клаузы будет схематически выглядеть как (50), темпоральной — как (51). В конструкциях с сентенциальными актантами X-ом будет являться фактивный или событийный аргумент клаузы (т. е. сама выражаемая им клауза), в условных конструкциях, — вводимый ирреальной клаузой⁸ возможный мир. Таким образом, круг «участников» ситуации, доступных для релятивизации, понимается несколько шире, чем в традиционном представлении об аргументной структуре высказывания. Детали формально-семантического анализа этой конструкции, а также вопрос о том, всегда ли совпадение двух переменных задается анафорически⁹, я оставляю для будущего исследования.

(50) [*tū=at* *mu=r* *kitob* (X) *tufā* *sa* *čūg* P], [*āz=um*
 ты.NOM=2SG я=DAT книга подарок SUBD делать.PST я.NOM=1SG
ik-az *um* (*kitob*) (Y) *čoyd* Q]
 EMPH-OBJ D3.F.OBL книга читать.PST

‘Ты подарил мне книгу_X (P), я ее_Y прочел (Q)’ (=33).

ПРЕСУППОЗИЦИЯ (P): Существует такая книга X, что ты подарил мне X.

АССЕРЦИЯ (Q): Я прочел Y; антецедентом Y является X.

(51) [*asad* *ca* *naχtuyd* *t_X* P], [*bād* *az* *δaw* *soat* *t_Y* *pulod* *aχovd* Q]
 А. SUBD уйти.PST.M после ABL два час П. спать.PST

‘Асад ушел (в момент времени *t_X*) (P), через два часа (после *t_Y*) Пулод уснул (Q)’.

ПРЕСУППОЗИЦИЯ (P): Существует такой момент времени X, когда Асад ушел.

АССЕРЦИЯ (Q): Пулод уснул через два часа после момента времени Y; Y совпадает с X.

Анализ конструкций с *sa* как коррелятивных (или «свободных» относительных) помогает объяснить, почему темпоральные придаточные с этим союзом относятся

⁸ В бартангском модальную функцию имеют формы настоящего времени и перфекта. Как уже упоминалось выше, особый статус имеет глагол ‘быть’, имеющий отдельную модальную основу *vaw-*.

⁹ В таком случае при отсутствии выраженного коррелята следует постулировать нулевой коррелят. Альтернативный анализ — считать клаузы с *sa* без коррелята «свободными», или безвершинными относительными (free relatives), как, например, предложено для грузинского в [Bhatt, Nash 2023].

преимущественно к прошедшему времени: они предполагают пресуппозицию существования момента времени, к которому относится зависимая клауза, а значит — существование самого события. Применительно к будущему времени это предполагает высокую степень уверенности в том, что событие произойдет, что мы и наблюдаем в таких примерах, как (16) выше. В иных случаях более естественной интерпретацией оказывается условная: тогда пресуппозиция относится к существованию множества возможных миров, в которых зависимая клауза истинна.

При препозиции зависимой клаузы с *ca* она часто может трактоваться как топик, ср. (35) — «Пулод и одна женщина пришли (топик), ту женщину я знаю» — и (46) — «У нас в кишлаке есть школа (топик), наш учитель получил награду»¹⁰. При этом в ряде работ по коррелятивным конструкциям они также рассматриваются как топики (например, в венгерском [Lipták 2008]), что наводит на мысль о топикальности как компоненте значения *ca*. Однако, на мой взгляд, в таких примерах эффект топикальности связан с начальной позицией клаузы и не ингерентен для *ca* как такового. В случаях, когда клауза с *ca* находится в постпозиции, эффекта топикальности не наблюдается; ср. (52), где топиком является муж (соответственно, относящееся к нему местоимение *yā* стоит в начале), а не зависимая клауза.

- (52) *yā* *tā-yā* *carangin* *čor*; *tū* *az* *wī* *čoj* *ca*
 D3.SG.NOM ты.OBL-POSS какой муж ты.NOM ABL D3.M.OBL страх SUBD
đor?
 держать.PRS[2SG]
 ‘Что у тебя за муж, что ты его боишься?’ [Соколова 1960: 92]

Клаузы с *ca* также являются наиболее типичным вариантом ответа на частный вопрос (53), что несовместимо с топикальным статусом.

- (53) *tū=t* *sarpiro* *cawaxt* *šurvo* *xūj?* — *pa* *basīd=um* *ca* *yat*
 ты.NOM=2SG сначала когда шурпо есть.PRF LOC.UP Б.=1SG SUBD прийти.PST
 ‘Когда ты в первый раз поел шурпо? — Когда я приехал в Басид.’

При этом, как кажется, топикальность входит в состав значения другого бартангского внутриклаузального союза, *di_{IN}*, о котором пойдет речь в следующем разделе.

5.3. Инвариант значения союза *di_{IN}*

Для объяснения употреблений союза *di_{IN}* я предлагаю следующее определение:

- (54) В конструкции [... *di* P], [Q]:
 1) Р (зависимая клауза) и Q (главная клауза) находятся в ассерции;
 2) обозначаемое Р событие или пропозиция выступает как топик (фон, рамка) для Q;
 3) темпоральная референция Р задается относительно Q.

Ассертивность зависимой клаузы предполагается мною в связи с тем, что в нарративе клаузы с *di_{IN}* ведут себя как самостоятельные утверждения, сообщающие новую информацию, что позволяет говорить как минимум о прагматической ассерции в терминах [Vallduví 1992]. К сожалению, у меня нет надежных данных¹¹, позволяющих говорить об отсутствии логической пресуппозиции в классическом понимании этого термина (ср. [Karttunen 1973]

¹⁰ Я благодарен анонимному рецензенту за это наблюдение.

¹¹ Как справедливо отмечает анонимный рецензент, именно классические тесты на пресуппозицию были бы наиболее убедительным аргументом в пользу предлагаемого анализа семантики союзов. К сожалению, проверка этих тестов в полевых условиях весьма затруднена, и опрос носителей

и мн. др.; о различии прагматической и логической пресуппозиции [Падучева 1977]). Косвенным свидетельством в пользу того, что клаузы с союзом di_{IN} образуют отдельные высказывания, может служить тот факт, что этот показатель может использоваться и в отсутствие матричной клаузы. Так, в (55), взятом из устного текста, предложение является последним в рассказе, подводя ему итог, при этом в ближайшем контексте, как можно видеть, нет очевидных кандидатов на статус главного предложения.

- (55) *sol azor aštsad-u navad-u čor ik-az mim idi*
 год тысяча восемьсот-и девяносто-и четыре EMPH-OBJ D1.F.OBL SUBD
vuruḫti baroyi muafzezi
 строить.PST для защита

(Самый сильный гнет был от афганцев на стороне Рушана. Люди слышали, что они вблизи Емца, если они нападали на Емц; это наша территория, это территория Бартанга. Потом люди для того, чтобы защищать себя в восьмидесятом году...) '...в 1894 году построили эту (крепость) для защиты' {fortress_180623}.

Другой аргумент в пользу ассертивности клауз с di_{IN} — возможность употребления этого союза вместе с сочинительным *xu* 'и', маркирующим последовательности событий:

- (56) *xu nān murdā idi zoḫč xu markab-tör wez čūj*
 REFL мать труп SUBD брать.PST SEQ осел-SUPER груз делать.PRF
 'Он взял труп своей матери и погрузил на осла' {brt_txt_tribrata}.

Таким образом, если di_{IN} вообще можно считать подчинительным, то он присоединяется на довольно высоком структурном уровне, так что граница между сочинением и подчинением во многом стирается; ср. похожие проблемы при анализе русских причинных союзов, обсуждающиеся в [Pekelis 2022].

Использование в определении (54) понятия топики отсылает к обширной литературе, в которой сначала условные конструкции, затем и некоторые другие типы придаточных рассматриваются как топики. Изначальная формулировка этого обобщения [Haiman 1978] была основана на типологически распространенном сходстве между маркированием топиков и условных клауз. Дж. Хейман приводит ряд аргументов в пользу их единого анализа; в дальнейшем эти идеи развивались как в функциональной, так и в формальной литературе с различных позиций: Т. Гивон [Givón 1982: 102] придавал ключевое значение топике как «фону» (background), С. Форд и С. Томпсон [Ford, Thompson 1986] говорили о понятии «рамки» (framework), тогда как Д. Шиффрин [Schiffrin 1992] развивала идею Хеймана о топике как о данной информации.

Я буду основываться на недавней версии анализа условных конструкций как топиков в работе [Ebert et al. 2014], преимуществом которого является эксплицитность понятия топики и ясное изложение порядка семантической деривации условных конструкций. Исследователи основываются на двух понятиях топики — топик как тема (aboutness topic) и топик как более общее утверждение о релевантности последующей клаузы для индивида, обозначенного как топик (relevance topic). Первый фигурирует в так называемых «нормальных» условных конструкциях (normal conditionals, NC) (57), тогда как второй фигурирует в конструкциях, которые в русской традиции принято считать иллюкутивными и для которых К. Эберт и соавторы используют термин «biscuit conditionals» (BC) (58). Для каждого предложения ниже приводятся предлагаемые авторами семантические интерпретации.

- (57) *If Peter went shopping, (then) there is pizza in the fridge.*
 $REF_X(w_0, \lambda w'.M_w(\lambda w.go_shopping(w)(peter))) \& ASSERT(X, \lambda w.pizza_in_fridge(w))$
 [Ebert et al. 2014: 399]

пока не дал надежных результатов. Тем не менее, как кажется, приводимые мною текстовые примеры достаточно показательны для иллюстрации прагматического различия между *ca* и di_{IN} .

(58) *If you are hungry, ([#]then) there is pizza in the fridge.*

$\text{REF}_X(w_0, \lambda w'. M_w(\lambda w. \text{hungry}(w)(\text{listener}))) \& \text{ASSERT}(w_0, \lambda w. \text{pizza_in_fridge}(w))$

[Там же: 400]

Авторы рассматривают топиализацию как отдельный речевой акт $\text{REF}_X(w, d)$. Эффект этого речевого акта состоит в том, что для мира w и функции от миров к индивидам d говорящий привлекает внимание слушающего к $d(w)$, обозначенному как X . За собственно условную семантику отвечает функция $M_w(p)$, для пропозиции p и мира w' возвращающая максимальную сумму возможных миров, совместимых с w' , в которых p истинна. Следовательно, в обоих типах условных конструкций топиализуется множество возможных миров, в которых условие истинно. Различие между ними заключается в том, что в NC ассерция относится к топиализованному множеству миров X , тогда как в BC она относится к актуальному миру w_0 .

Как видно из этого анализа, для семантики условных конструкций недостаточно постулирования их топикальности — требуется еще функция $M_w(p)$. Определение для бартангского di_{IN} , предложенное в (54), можно считать обобщением анализа К. Эберта и соавторов: зависимая клауза выступает в качестве топика, но не содержит условного компонента.

Поскольку отношение между двумя клаузами в этой конструкции носит неспецифицированный характер и утверждения в главной клаузе могут относиться к актуальному, а не гипотетическому миру, из двух анализов [Ebert et al. 2014] предпочтительным представляется анализ в терминах релевантности. На это указывает также наличие у условных конструкций с di_{IN} иллюкутивных употреблений [Храковский 1998: 17–22] (59). При этом важно отметить, что *ca* в таких контекстах не встречается: это объясняется в рамках данного анализа, так как для этого союза условное значение устанавливается анафорически и соответствует «aboutness topic» в терминах [Ebert et al. 2014].

(59) *balo di pa tā na kišt, tā=r*
 беда SUBD LOC.UP ты.OBL NEG делать.PRS:3SG ты.OBL=DAT
pa balo čiz
 LOC.UP беда что

‘Если беда не трогает тебя, какое тебе дело до беды’ [Карамхудоев 1973: 289].

Таким образом, я предлагаю двойственный анализ придаточных с di_{IN} : ассертивность объясняет их нарративные употребления, а топикальность — сходство с условными конструкциями. Нетрудно заметить, что сочетание топикальности с ассертивностью может приводить к тому эффекту, который Л. Н. Иорданская и И. А. Мельчук в своем анализе русского союза *raz* называют «псевдоассерцией»: «...союз *раз* добавляет к смыслу своего придаточного не компонент ‘Q истинно’ (этот компонент имеется в силу утвердительности предложения Q), а компонент ‘по мнению автора высказывания, факт Q является для адресата бесспорным’» [Иорданская, Мельчук 2007: 495]. Как показано в разделе 4.4.2, «причинные» употребления бартангского *di* почти полностью соответствуют русскому *раз*. В бартангском «бесспорность» клаузы не является самостоятельным компонентом значения (это было бы несовместимо с другими значениями этого союза), но вытекает из подачи ассертивной информации, относящейся к плану прошедшего или настоящего, как топика. Эту функцию di_{IN} можно сравнить со значением таких «актуализирующих» показателей в русском языке, как *ведь* [Paillard 1987] или «же обоснования» в терминах Е. В. Падучевой [2018: 339–343].

Такой анализ di_{IN} также позволяет объяснить, почему этот союз по отношению к прошедшему времени употребляется преимущественно в нарративах. Дело в том, что темпоральные клаузы вне нарратива обычно отсылают либо к упомянутому ранее событию, либо к такому событию, темпоральная локализация которого известна говорящему и слушающему из экстралингвистического контекста (*Когда ты приезжал в Москву, я был*

в экспедиции). В таком случае ассертивность клаузы создает обсуждавшийся выше эффект, аналогичный русскому *раз*, который в обычных темпоральных контекстах неуместен.

В нарративе же, как правило, в темпоральной конструкции обе клаузы представляют собой новую информацию. Так, в (17) выше одновременно сообщается и о том, что полицейские спрятались от страха, и о последующих действиях основных участников повествования — Мулкамона и Назари, организовавших сопротивление сборщикам налогов. Здесь функция di_{IN} состоит в том, чтобы обозначить сведения о действиях полицейских как фоновую информацию.

Темпоральные клаузы, относящиеся к будущему времени, редко представляют собой данную информацию, что делает использование в них анафорического и пресуппозитивного *са*, как правило, неуместным. Как обсуждалось в разделе 4.2 выше, в случае, если время события в будущем известно с высокой степенью уверенности или же само будущее событие упоминалось ранее, использование *са* становится допустимым.

Используя концепцию [Ebert et al. 2014], значение такого предложения можно (упрощенно) представить как (60). В первом речевом акте говорящий обозначает событие¹², выраженное в первой клаузе, как релевантное для дальнейшего высказывания; за этим следует ассерция главной клаузы. Темпоральная соотнесенность двух ситуаций никак не обозначена в самом высказывании и возникает у слушающего как импликатура на основании контекста, топикальности (релевантности) первой клаузы, известных ему фактов о мире, а также темпоральной формы глагола, использованной в зависимой клаузе. Речевой акт референции сам по себе ничего не говорит о том, является ли топик заданным ранее в дискурсе или только что введенным в контекст.

(60) $REF_x(w', \lambda w. ie[\text{прийти}(w)(e)(\text{СЛЮШ})]) \& ASSERT(w_\theta, \lambda w. \text{зайти}(w)(e)(\text{СЛЮШ}))$

Проблемой для такого анализа остается, однако, доступность условной интерпретации союза di_{IN} . Очевидно, что из простой ассерции двух клауз и топикальности одной из них условное значение не выводится; необходим дополнительный семантический компонент, локализуемый ситуацию в зависимой клаузе в одном из возможных миров. Представляется, что этот компонент не относится к семантике союза di_{IN} , но задается отдельным оператором внутри зависимой клаузы. Как мы видели в разделе 4.3.2 выше, только в сочетании с заимствованным *agar* ‘если’ можно говорить о собственно условных употреблениях di_{IN} . Однако, как видно из (61), *agar* может маркировать условное значение и без di_{IN} ; при этом соотношение времен остается таким же: глагол стоит в прошедшем времени, т. е. мы имеем дело с конструкцией идентичной структуры.

(61) *agar āz=um yal tūyd, az tā mis xu=qatī ayos-um...*
 если я.NOM=1SG еще уйти.PST.M OBJ ты.OBL ADD REFL=COM уводить.PRS-1SG
 ‘Если я пойду, тебя с собой возьму...’ [Карамхудоев 1973: 279].

Я предполагаю, что именно союз *agar* привносит в клаузы с di_{IN} условное значение, т. е. переносит описываемую ситуацию из актуального мира в возможный. В терминах [Ebert et al. 2014] этот условный оператор привносит в значение клаузы функцию $M_w(p)$ ¹³, значение которой (множество возможных миров) и выступает топиком последующей клаузы. Так конструкции с di_{IN} могут получать значение обычных условных конструкций, которое не относится к семантике самого союза.

¹² Йота-оператор над событийным аргументом *ie* (выбирающий уникальное событие с заданными свойствами, ср. анализ прогрессивов как определенных дескрипций в [Renans 2021]) использован лишь для упрощения иллюстрации. В более полном анализе топиком является не событие, а включающая его пропозиция. О пропозициях как абстрактных объектах в формальной семантике см. в числе прочего [Asher 1993; Peterson 1997].

¹³ В этом случае первая ассерция лишь постулирует существование возможных миров, в которых истинно утверждение в зависимой клаузе, т. е. возможность такого положения вещей.

5.4. Инвариант для союза di_{EX}

Из трех рассмотренных союзов di_{EX} является, пожалуй, наиболее «обычным» на иранском и общетипологическом фоне. Совмещение обозначений сентенциального актанта, цели и результата типологически чрезвычайно распространено [Schmidtke-Bode 2009] и характерно, помимо прочего, для персидско-таджикского «универсального» подчинительного показателя *ke/ki* и аналогичных союзов в других иранских языках. К. Шмидтке-Бодде предлагает ряд объяснений такого совпадения в терминах теории грамматикализации, а Ж.-К. Верстрете [Verstraete 2008: 779] говорит о промежуточном положении целевых придаточных между обстоятельными и актантными, однако едва ли возможно предложить единый семантический анализ для всех этих типов придаточных — хотя бы потому, что дополнительные придаточные являются актантами, придаточные цели — сирконстантами, а статус клауз результата вообще неясен с точки зрения типологии сочинения и подчинения. В эту схему также никак не укладываются неререферентные относительные придаточные, которые представляют собой отдельный тип конструкции с особой семантикой.

На мой взгляд, более перспективной является трактовка di_{EX} не в семантических, а в структурных или дискурсивных терминах. Прежде всего следует обратить внимание на то, что во всех своих функциях этот союз факультативен, причем ни суждения носителей, ни данные текстов не указывают на какое-либо различие в интерпретации клауз с di_{EX} и без него. О факультативности di_{EX} в сентенциальных актантах уже было сказано в разделе 4.7 выше. Он факультативен и в целевых конструкциях; опционально в них может присутствовать показатель *lāk* ‘пусть, чтобы’. Ситуация, таким образом, полностью аналогична условным конструкциям: цель не входит в семантику di_{EX} .

Привлекает внимание также дискурсивное поведение di_{EX} , не характерное для подчинительного союза. Он довольно часто оказывается в самом конце высказывания; следующая клауза имеет самостоятельный интонационный контур и может отделяться от первой паузой. Показателен пример (62), где представлена клауза результата и длительность тишины между двумя клаузами составляет около 500 мс. В (63) из того же текста di_{EX} вообще имеет несвойственную ему функцию: клауза, после которой он стоит, сама маркирована как зависимая при помощи союза *ca*, т. е. di_{EX} , если рассматривать его как союз, формально вводит **главную**, а не зависимую клаузу. При этом пауза между клаузами, включая хезитацию, составляет 1 с 130 мс.

- (62) a. *ṣaw kud yi ʃondor inʃuvd di...*
два собака один животное ловить.PST LNK

- b. *wī-tōr=af vo wī nusk-tōr=af wilčak inʃuvd*
D3.M.OBL=UPER=3PL.TR опять D3.M.OBL морда-SUPER=3PL.TR мерка класть.PST

‘Две собаки одного зверя поймали, и (в результате) на нее (собаку), на ее морду клали мерку’ (чтобы определить, какому охотнику принадлежит добыча: чья морда длиннее, та собака и поймала) {jonalil_200623}.

- (63) a. *sarpiro=an di tar ʃiw rawon ca sad di...*
раньше=3PL SUBD LOC.EQ охота идущий SUBD идти.PST.PL LNK

- b. *e... yi daxo vud*
NES один молитва быть.PST.M

‘Когда раньше ходили на охоту... была одна молитва (перед охотой)’ {jonalil_200623}.

Функция di_{EX} , как кажется, состоит не в том, чтобы маркировать какие-либо семантические типы придаточных, но в том, чтобы **сигнализировать, что высказывание**

не закончено и следующая клауза является его продолжением. Таким образом, он связан с предшествующей клаузой не только просодически, но и структурно. Круг же клауз, которые следуют за этим показателем, конвенционально включает те придаточные, которые бессоюзно используются в постпозиции к главным, но не ограничивается ими и вообще придаточными предложениями.

Интересно, что похожее обобщение содержится в работе Дж. Гомеши, посвященной конструкциям с сентенциальными актантами в персидском языке [Ghomeshi 2001]. Для персидского *ke* исследовательница предлагает следующую трактовку: «...в качестве показателя подчинения *ke* может клитизироваться к любой лексической единице, за которой следует пропозициональная составляющая (vP, CP), но сам он [*ke* — О.Б.] не возглавляет функциональной проекции»¹⁴ [Ibid.: 37]. В последнем утверждении имеется в виду, что *ke* не занимает позицию С или какую-либо другую вершину в иерархии клаузальных проекций и в этом смысле не является комплементаром (союзом). Помимо несущественных для настоящей статьи деталей синтаксического анализа, обобщение Дж. Гомеши весьма схоже с предлагаемой здесь интерпретацией бартангского *di_{EX}*.

Такая трактовка этого коннектора позволяет объяснить необычайно широкое употребление клауз «результата» в бартангском, уже отмеченное в разделе 4.8 выше: они маркируют не только собственно логический результат действия, но и возникшую неожиданную ситуацию, или, в формулировке В. С. Соколовой [1960: 102], «предложение, в котором выражено обнаружение чего-либо». При таком понимании *di_{EX}*, возможно, корректнее классифицировать не как союз, а как дискурсивную частицу. В этом отношении характерно, что Н. Карамхудоев отмечает случаи использования *di_{EX}* как конечной частицы:

(64) *yi lap naxčīr umder di(dī)!*
один много козел D3.LOC:IN LNK

‘Там так много горных козлов!’ [Карамхудоев 1973: 277]

6. Заключение

В настоящей статье я стремился решить две задачи: во-первых, предложить систематическое описание маркирования основных типов придаточных в бартангском языке; во-вторых, учитывая высокую степень полифункциональности бартангских союзов, сформулировать как можно более обобщенную трактовку их функций. В результате удалось показать, что ядро бартангской системы подчинения составляют три коннектора, каждому из которых можно приписать единый семантический или структурный инвариант:

- *sa*: предглагольный союз, вводящий пресуппозицию существования одного из участников (актантов, сирконстантов, темпоральных, событийных аргументов и т. д.) зависимой клаузы; этот участник должен совпадать с одним из участников главной клаузы. Практически все употребления *sa* можно свести к коррелятивной конструкции.
- *di_{IN}*: союз, занимающий вторую или предглагольную позицию и маркирующий асертивную клаузу, которая при этом маркируется как топик (фон, рамка) для интерпретации главной клаузы.
- *di_{EX}*: дискурсивная частица, стоящая в конце клаузы и сигнализирующая о том, что за ней следует другая клаузальная составляющая.

¹⁴ “...as a marker of subordination, *ke* can be cliticized onto any lexical item that is followed by a propositional constituent (vP, CP), but [that] it does not itself head a functional projection.”

Следует подчеркнуть, что как краткие определения выше, так и более подробные толкования, предложенные в разделе 5, пока еще достаточно схематичны и предварительны; в особенности синтаксис и семантика *sa* и *di_{IN}* требуют более формального описания для того, чтобы из их толкований можно было делать больше проверяемых предсказаний. Предложенное описание семантики союзов является также неполным из-за того, что рассматривались только союзы, трактуемые в традиционных грамматиках как подчинительные. Однако предварительные данные показывают, что граница между клаузалным сочинением и подчинением в бартангском достаточно условна: с одной стороны, «сочинительные» союзы имеют свойства, схожие с подчинением; с другой стороны, «подчинительные» союзы, как было показано выше, могут иметь свойства и дискурсивные употребления, характерные скорее для сочинительных. Наконец, не рассматривались отмеченные в грамматиках и имеющиеся в моих данных случаи сочетания двух союзов в одной клаузе: каждый из трех союзов может сочетаться с любым другим. В дальнейшем следует рассмотреть полное описание бартангского сложного предложения, включающее как «подчинительные» союзы, так и «сочинительные», а также возможные сочетания их друг с другом.

Несмотря на свою неполноту и во многом предварительный характер, предложенное здесь описание является первой попыткой систематического анализа союзов в каком-либо языке шугнано-рушанской группы, который не сводится к простому перечислению их функций в терминах традиционной грамматики и, таким образом, может послужить основой для дальнейших, более углубленных исследований в этой области. Кроме того, исследование показало, что бартангская система подчинения представляет типологический и теоретический интерес как система с чрезвычайно редуцированным набором подчинительных средств, имеющих при этом очень абстрактную семантику. С точки зрения бартангской грамматики традиционные типы придаточных оказываются во многом нерелевантными, так как они маркируются одними и теми же конструкциями. Похожие системы обсуждались в литературе для некоторых языков и ареалов; известны, например, так называемые «клаузы-адьюнкты» (*adjoined clauses*) в некоторых австралийских языках [Hale 1976] или «универсальные подчинительные показатели», как, например, *ke* в персидском [Öhl, Korn 2006]. Однако о таких системах чаще всего говорится, что в них подчинительный показатель или конструкция имеет исключительно синтаксическую функцию, не обладая какой-либо собственной семантикой. Возможно, в некоторых случаях действительно можно говорить о полностью десемантизированных показателях подчинения; см. об этом типологические работы [Boye et al. 2015; Kehayov, Boye 2016: 810–811]. Во многих случаях, однако, такое описание является лишь следствием недостаточно подробного анализа данных; для австралийских языков это убедительно показала Р. Нордлингер [Nordlinger 2006]. То же можно сказать и о бартангском: несмотря на свою формальную «бедность», бартангская система союзов способна различать многие противопоставления, которые чаще описывают для гораздо более «богатых» систем, таких как, например, системы славянских языков [Hansen et al. 2016].

Из рассмотренных показателей только *di_{EX}* имеет однозначно структурную функцию, которая, однако, не соответствует общепринятым представлениям о подчинительных союзах и скорее позволяет характеризовать этот элемент как финальную частицу. Похожая трактовка предлагалась ранее для персидского *ke* [Ghomeshi 2001: 37]; параллели между персидским *ke*, бартангским *di_{EX}* и похожими по форме и функции показателями в других ареально близких языках заслуживают отдельного рассмотрения.

В ходе дальнейших исследований предстоит установить, какими были этапы эволюции бартангской системы из древнеиранской и как она соотносится с системами других языков иранской группы, а также то, насколько предложенные толкования бартангских союзов соотносимы со значениями похожих «универсальных» подчинительных показателей других языков мира.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо	LOC.DOWN — показатель относительной локализации ниже
ABL — аблатив	LOC.EQ — показатель относительной локализации на одном вертикальном уровне
ADD — аддитив	LOC.UP — показатель относительной локализации выше
ADV — наречие	M — мужской род
ALL — аллатив	NEG — отрицание
APUD — локализация около ориентира	NEG.MOD — модальное отрицание
COM — комитатив	NOM — именительный падеж
CONJ — сочинительный союз	OBJ — показатель прямого объекта
D2 — дейктик средней степени	OBL — косвенный падеж
D3 — дейктик дальней степени	PL — множественное число
DAT — дательный падеж	POSS — посессив
DET — детерминант	PRF — перфект
DIM — диминутив	PRON — прохитив
EMPH — эмфатическая частица	PRS — настоящее время
EXH — показатель исчерпывающей (англ. exhaustive) интерпретации	PST — прошедшее время
EXST — экзистенциальный глагол	QUOT — прямая речь
EZ — изафет	REFL — рефлексив
F — женский род	REL — показатель релятивизации
FUT — будущее время	SEQ — показатель последовательности событий (<i>xu</i>)
HES — хезитация	SG — единственное число
IN — локализация внутри ориентира	SUBD — подчинительный союз
INF — инфинитив	SUPER — локализация над ориентиром
INS — инструменталис	TR — переходность
LNK — соединительный элемент	
LOC — локатив	

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Беляев 2014 — Беляев О. И. *Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2014. [Belyaev O. I. *Korrelyativnaya konstruksiya v osetinskom yazyke v tipologicheskom osveshchenii* [Ossetic correlatives in a typological perspective]. Candidate diss. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2014.]
- Беляев 2025 — Беляев О. И. Позиционные классы союзов в бартангском языке. *Вестник Московского университета. Серия 9. Филология*, 2025, 2: 70–87. [Belyaev O. I. Positional classes of conjunctions in Bartangi. *Lomonosov Philology Journal*, 2025, 2: 70–87.]
- Инькова 2018 — Инькова О. Ю. *Семантика коннекторов: контрастивное исследование*. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018. [Inkova O. Yu. *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie* [Semantics of connectors: A contrastive study]. Moscow: TORUS PRESS, 2018.]
- Иорданская, Мельчук 2007 — Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. *Смысл и сочетаемость в словаре*. М.: Языки славянских культур, 2007. [Iordanskaya L. N., Mel'čuk I. A. *Smysl i sochetaemost' v slovarе* [Meaning and combinability in the dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007.]
- Карамхудоев 1973 — Карамхудоев Н. *Бартангский язык (фонетика и морфология)*. Душанбе: Дониш, 1973. [Karamkhudoev N. *Bartangskii yazyk (fonetika i morfologiya)* [Bartangi (phonetics and morphology)]. Dushanbe: Donish, 1973.]
- Падучева 1977 — Падучева Е. В. Понятие презумпции в лингвистической семантике. *Семиотика и информатика*, 1977, 8: 91–124. [Paducheva E. V. The notion of presumption in linguistic semantics. *Semiotika i informatika*, 1977, 8: 91–124.]
- Падучева 2018 — Падучева Е. В. *Эгоцентрические единицы языка*. М.: Языки славянской культуры, 2018. [Paducheva E. V. *Egotsentricheskie edinitsy yazyka* [Egocentric elements of the language]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2018.]

- Подлеская 1992 — Подлеская В. И. К типологии предикативного сочинения. *Вопросы языкознания*, 1992, 4: 90–102. [Podlesskaya V. I. Towards a typology of predicative coordination. *Voprosy Jazykoznanija*, 1992, 4: 90–102.]
- Расторгуева, Эдельман 2000 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 1: *a–ā*. М.: Восточная литература, 2000. [Rastorgueva V. S., Edelman D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [An etymological dictionary of the Iranian languages]. Vol. 1: *a–ā*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2000.]
- Расторгуева, Эдельман 2003 — Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 2: *b–d*. М.: Восточная литература, 2003. [Rastorgueva V. S., Edelman D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [An etymological dictionary of the Iranian languages]. Vol. 2: *b–d*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003.]
- Рудницкая 1997 — Рудницкая Е. Л. Проблема алтайского сочинения в корейском языке. *Вопросы языкознания*, 1997, 6: 89–99. [Rudnitskaya E. L. Problems of Altaic coordination in the Korean language. *Voprosy Jazykoznanija*, 1997, 6: 89–99.]
- Сердобольская, Егорова 2019 — Сердобольская Н. В., Егорова А. Д. Грамматикализация нового комплементаризера *to čto* в современном русском языке: экспериментальные данные. *Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Тезисы докладов международной конференции памяти Андрея Анатольевича Зализняка*. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова, 2019, 37–38. [Serdobol'skaya N. V., Egorova A. D. Grammaticalization of a new complementizer *to čto* in Modern Russian: Experimental data. *Grammaticheskie protsessy i sistemy v sinkhronii i diakhronii. Proceedings of the International Conference in Memoriam of Andrei A. Zaliznyak*. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2019, 37–38.]
- Соколова 1960 — Соколова В. С. *Бартангские тексты и словарь*. М.: Изд-во АН СССР, 1960. [Sokolova V. S. *Bartangskie teksty i slovar'* [Bartangi texts and a dictionary]. Moscow: Press of the Academy of Sciences of the USSR, 1960.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. М.: Изд-во РГГУ, 2001. [Testelet's Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Press of the Russian State University for the Humanities, 2001.]
- Тулский 2005 — Тульский М. Итоги переписи населения Таджикистана 2000 года: национальный, возрастной, половой, семейный и образовательный составы. *Демоскоп Weekly*, 2005, 191–192. [Tul'skii M. 2000 Tajikistan Census results: National, age, family, and educational composition. *Demoskop Weekly*, 2005, 191–192.] <https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0191/analit05.php>.
- Храковский 1998 — Храковский В. С. Теоретический анализ условных конструкций (семантика, исчисление, типология). *Типология условных конструкций*. Храковский В. С. (отв. ред.). СПб.: Наука, 1998, 7–96. [Xrakovskij V. S. A theoretical analysis of conditional constructions (semantics, types, typology). *Tipologiya uslovnykh konstruktssii*. Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1998, 7–96.]
- Храковский 2009 — Храковский В. С. Таксис: семантика, синтаксис, типология. *Типология таксисных конструкций*. Храковский В. С. (отв. ред.). М.: Знак, 2009, 11–113. [Xrakovskij V. S. Taxis: Semantics, syntax, typology. *Tipologiya taksisnykh konstruktssii*. Xrakovskij V. S. (ed.). Moscow: Znack, 2009, 11–113.]
- Шакармамадов (сост.) 2005 — Шакармамадов Н. (сост.). *Фольклор Памира*. Т. 2. *Мифы, легенды и сказания*. Душанбе: Империял-групп, 2005. [Shakarmamadov N. (comp.). *Fol'klor Pamira* [Folklore of the Pamir region]. Vol. 2. *Mify, legendy i skazaniya* [Myths, legends, and tales]. Dushanbe: Imperial-grupp, 2005.]
- Ширяев 1986 — Ширяев Е. Н. *Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке*. М.: Наука, 1986. [Shiryayev E. N. *Bessoyuznoe slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke* [The asyndetic complex sentence in Modern Russian]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Эдельман 2011 — Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 4: *i–k*. М.: Восточная литература, 2011. [Edelman D. I. *Etimologicheskii slovar' iranskikh yazykov* [An etymological dictionary of the Iranian languages]. Vol. 4: *i–k*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2011.]
- Andrews 2007 — Andrews A. Relative clauses. *Linguistic typology and syntactic description*. Vol. 2. *Complex constructions*. Shopen T. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007, 206–236.
- Asher 1993 — Asher N. *Reference to abstract objects in discourse*. Dordrecht: Kluwer, 1993.
- Belyaev 2014 — Belyaev O. Anaphora in Ossetic correlatives and the typology of clause combining. *On diversity and complexity of languages spoken in Europe and North and Central Asia*. Suihkonen P., Whaley L. J. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2014, 275–310.

- Belyaev 2015 — Belyaev O. Systematic mismatches: Coordination and subordination at three levels of grammar. *Journal of Linguistics*, 2015, 51(2): 267–326.
- Belyaev, Haug 2014 — Belyaev O., Haug D. Pronominal coreference in Ossetic correlatives and the syntax-semantics interface. *Proceedings of the LFG'14 Conference*. Butt M., King T. H. (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2014, 89–109.
- Bhatt, Nash 2023 — Bhatt R., Nash L. The common core of relativization in Georgian. *Natural Language & Linguistic Theory*, 2023, 41(2): 501–546.
- Bhatt, Pancheva 2006 — Bhatt R., Pancheva R. Conditionals. *Blackwell Companion to Syntax*. Vol. 1. Everaert M., van Riemsdijk H. (eds.). Oxford: Blackwell, 2006, 638–687.
- Boye et al. 2015 — Boye K., van Lier E., Brink E. T. Epistemic complementizers: A cross-linguistic survey. *Language Sciences*, 2015, 51(5): 1–17.
- Clark 1975 — Clark H. H. Bridging. *Proceedings of the 1975 workshop on Theoretical issues in natural language processing*. Schank R., Nash-Webber B. L. (eds.). Stroudsburg: Association for Computational Linguistics, 1975, 169–174.
- Culicover, Jackendoff 1997 — Culicover P. W., Jackendoff R. Semantic subordination despite syntactic coordination. *Linguistic Inquiry*, 1997, 28(2): 195–217.
- David 2014 — David A. B. *Descriptive grammar of Pashto and its dialects*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014.
- Davidson 1967 — Davidson D. On the logical form of action sentences. *The logic of decision and action*. Rescher N. (ed.). Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1967, 81–120.
- Ebert et al. 2014 — Ebert Chr., Ebert C., Hinterwimmer S. A unified analysis of conditionals as topics. *Linguistics and Philosophy*, 2014, 37: 353–408.
- Efimov 2011 — Efimov V. A. *The Ormuri language in past and present*. Baart J. L. G. (ed., transl.). Islamabad: Forum for Language Initiatives, 2011.
- Ford, Thompson 1986 — Ford C. E., Thompson S. A. Conditionals in discourse: A text-based study from English. *On conditionals*. Traugott E. C., ter Meulen A., Snitzer Reilly J., Ferguson C. A. (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986, 353–372.
- Forker 2016 — Forker D. Toward a typology for additive markers. *Lingua*, 2016, 180: 69–100.
- Ghomeshi 2001 — Ghomeshi J. Control and thematic agreement. *Canadian Journal of Linguistics*, 2001, 46(1–2): 9–40.
- Givón 1982 — Givón T. Logic vs. pragmatics, with human language as the referee: Toward and empirically viable epistemology. *Journal of Pragmatics*, 1982, 6(2): 81–133.
- Hale 1976 — Hale K. The adjoined relative clause in Australia. *Grammatical categories in Australian languages*. Dixon R. M. W. (ed.). Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1976, 78–105.
- Haiman 1978 — Haiman J. Conditionals are topics. *Language*, 1978, 54 (3), 564–589.
- Hansen et al. 2016 — Hansen B., Letuchiy A., Błaszczuk I. Complementizers in Slavonic (Russian, Polish, and Bulgarian). *Complementizer semantics in European languages*. Boye K., Kehayov P. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2016, 175–224.
- Haspelmath 2004 — Haspelmath M. Coordinating constructions: An overview. *Coordinating constructions*. Haspelmath M. (ed.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2004, 3–40.
- Karttunen 1973 — Karttunen L. Presuppositions of compound sentences. *Linguistic Inquiry*, 1973, 4: 168–193.
- Kazenin, Testeleys 2004 — Kazenin K. I., Testeleys Ya. G. Where coordination meets subordination: Converb constructions in Tsakhur (Daghestanian). *Coordinating constructions*. Haspelmath M. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2004, 227–239.
- Kehayov, Boye 2016 — Kehayov P., Boye K. Complementizer semantics in European languages: Overview and generalizations. *Complementizer semantics in European languages*. Boye K., Kehayov P. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2016, 809–878.
- König 1991 — König E. *The meaning of focus particles: A comparative perspective*. London: Routledge, 1991.
- Larson, Segal 1995 — Larson R. K., Segal G. M. A. *Knowledge of meaning*. Cambridge (MA): MIT Press, 1995.
- Lipták 2008 — Lipták A. On the correlative nature of Hungarian left peripheral relatives. *Dislocation: Syntactic, semantic and discourse perspectives*. Shaer B., Cook P., Frey W., Maienborn C. (eds.). London: Routledge, 2008, 398–430.
- Makarov et al. 2022 — Makarov Y., Melenchenko M., Novokshanov D. Digital resources for the Shughni language. *Proceedings of the Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-Resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference*, 2022, 61–64. <https://aclanthology.org/2022.eurali-1.9>.

- Morgenstierne 1974 — Morgenstierne G. *Etymological vocabulary of the Shughni group*. Wiesbaden: Reichert, 1974.
- Nordlinger 2006 — Nordlinger R. Spearing the emu drinking: Subordination and the adjoined relative clause in Wambaya. *Australian Journal of Linguistics*, 2006, 26(1): 5–29.
- Obrtelová 2019 — Obrtelová J. *From oral to written: A text-linguistic study of Wakhi narratives*. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2019.
- Öhl, Korn 2006 — Öhl P., Korn A. Performanzbasierte und parametrische Wandel in der linken Satzperipherie des Persischen. *Die Sprache*, 2006, 42(2): 137–202.
- Paillard 1987 — Paillard D. *Že ou la sortie impossible. Les particules énonciatives en russe contemporain*. Vol. 2. Paris: Institut d'Études Slaves, 1987, 173–225.
- Parker 2023 — Parker C. *A grammar of the Shughni language*. Doctoral diss. Montreal: McGill Univ., 2023.
- Partee 1975 — Partee B. H. Montague Grammar and transformational grammar. *Linguistic Inquiry*, 1975, 6: 203–300.
- Pekelis 2022 — Pekelis O. On the oppositions that underlie the distinctions displayed by Russian causal clauses. *Linguistics*, 2022, 60(5): 1399–1449.
- Peterson 1997 — Peterson P. L. *Fact, proposition, event*. Dordrecht: Kluwer, 1997.
- Renans 2021 — Renans A. Definite descriptions of events: progressive interpretation in Ga (Kwa). *Linguistics and Philosophy*, 2021, 44: 237–279.
- Rizzi 1997 — Rizzi L. The fine structure of the left periphery. *Elements of grammar*. Haegeman L. (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1997, 281–337.
- Schiffrin 1992 — Schiffrin D. Conditionals and topics in discourse. *Linguistics*, 1992, 30: 165–197.
- Schmidtke-Bode 2009 — Schmidtke-Bode K. *A typology of purpose clauses*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2009.
- Vallduví 1992 — Vallduví E. *The informational component*. New York: Garland, 1992.
- Verstraete 2008 — Verstraete J.-C. The status of purpose, reason and intended endpoint in the typology of complex sentences. *Linguistics*, 2008, 46: 757–788.
- Yuasa, Sadock 2002 — Yuasa E., Sadock J. M. Pseudo-subordination: A mismatch between syntax and semantics. *Journal of Linguistics*, 2002, 38(1): 87–111.